

Светлана Васильевна Петрова

Узники вдохновения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986562

Светлана Петрова. Узники вдохновения: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-053992-5, 978-5-403-01226-3

Аннотация

Три истории о совершенно разных людях, заложниках своего таланта, окруженных бешеной завистью, достойных человеческой жалости и сильной, все прощающей любви. О таких говорят: Бог поцеловал. Писатель, художник, певец... Вольные рабы своего дара, живущие не как все, обязанные следовать своему предназначению. Экстаз и падение в бездну каждый день, иначе – смертельный приговор...

Содержание

Лист первый	5
Предисловие автора	5
1	10
2	17
3	22
4	28
5	42
6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Светлана Петрова

Узники вдохновения

Любые совпадения с реальными людьми и событиями являются случайными.

Лист первый Смертельное бремя таланта

*Творчество есть менее всего поглощенность собой, оно всегда
есть выход из себя.*

Николай Бердяев

*Копируем то, что у нас внутри, а не то, что видим. Это и есть
наша реальность.*

Марк Шагал

Предисловие автора

Необузданный летний ливень разразился неожиданно. Он настиг меня у Никитских ворот, и я юркнула в первую же попавшуюся парадную дверь с огромными медными ручками. В самом центре Москвы случайных дверей практически не бывает, и эта была не простой, а храмовой, если признать за искусством возможность возносить душу человека к небесам. Дверь вела в музей, где, судя по афише, проходила выставка художницы новой волны Ирины Исагалиевой – к десятилетию со дня гибели. Фамилия ничего мне не говорила, хотя живописью я интересовалась, правда классической. Так и простояла бы в вестибюле, ожидая, пока кончится дождь, но меня поразила фотография во всю стену: загадочное лицо, как паранджой укутанное роскошными черными волосами.

Каждый человек несет в себе загадку Творца. Мы не замечаем ее, увлеченные суетностью текущих дней, да и трудно уловить вдохновение среди забот о ближайшей прозаической цели. Взоры обращены под ноги, вместо того чтобы устремиться к небу. Но фотография – как магический рентген – проявляет в отраженном образе вечное.

Я с грустью смотрю на снимки людей, навсегда покинувших нас, и ощущаю трепет тайны. Почему они были именно такими и в чем смысл их земного бытия? Как мне потом рассказали, в жизни Ирина была обаятельной, открытой для общения и любви, даже подруги обманывались ее озорной легкостью. Что же она, такая веселая, хотела сказать своим печальным жестом? Чувствовала, что скоро окажется за чертой времени, и отстранялась от нас, непосвященных? А может, боялась огорчить близких горькой улыбкой внезапного прозрения? Но куда спрятать траур глаз? Глаза притягивали, заставляли вновь и вновь возвращаться к этому лицу, пытаюсь проникнуть в его секрет.

Секрет оказался зашифрован в творчестве, ибо картины полурусской-полуказашки Исагалиевой – часть ее самой. На стенах музея висело более полусотни полотен среднего размера (122 x 70 см и чуть меньше), который наиболее подходил для композиционных замыслов художницы и быстрого письма. Все они созданы за год до смерти в Соединенных Штатах Америки, куда Ирина бежала от неустроенности личной жизни и в надежде раскрыть свой талант. Ей было всего 33 года – возраст Христа.

Первое ощущение при взгляде на картины – эмоциональный шок. Живопись поражает экспрессией, яркой выразительностью, удивительным легато линий, она настолько своеобразна и самобытна, что не укладывается ни в какие художественные течения. В общем плане – это авангард, абстрактно фигуральные вещи, отражающие события и впечатления не с помощью подлинных объектов, а через настроение условных изображений. Удивительно, как она сумела показать жизнь отрешенностью от жизни!

Красота природных ландшафтов, разнообразие человеческих лиц, как и фактура объектов, ее явно не занимали. Классические законы пропорций тоже не сдерживали фантазии, она привычно нарушала их, подчеркивая замысел. Мотивом и содержанием творчества Исагалиевой были собственные переживания, краски лишь закрепляли поток чувств. Ирина все рисовала по внутренней эмоциональной памяти. Свои картины она с таким же успехом могла писать на Луне, потому что для этого ей была нужна только одна натура – ее собственная душа, из которой она вынимала художественные образы. Рожденные воображением, они мало напоминали действительность, но вызывали совершенно реальные ассоциации.

Ни на кого не похожая, вооруженная оригинальным живописным языком, она без сомнения впитала в себя весь предшествующий опыт так называемого нового искусства – от постимпрессионизма¹ до фовизма², от Сезанна³ до Вламinka⁴. Приемы кубизма⁵ откровенно использованы в рисунках настенного календаря для построения фона, а изгибы фигур, причудливо передающих черты православных ликов («Троица», «Лик скорби»), повторяют пластику «Девочки на шаре» Пикассо⁶. С сюрреалистами⁷ ее роднит обостренная эротика и бесконтрольная фантазия. Однако Ирине Исагалиевой удалось создать нечто исключительно новое, очень индивидуальное. Серийные вариации удивляют разнообразием, многослойностью сюжетов и ощущений: здесь счастье и боль, ужас и восторг, зло и добро, причем нередко – одновременно. Накал страстей настолько велик, что непонятно, как *нужно* было жить, чтобы *так* чувствовать, и как *можно* было жить, если чувствовать *так*! Ирина многое в себе носила и щедро вычерпывала, не страшась добраться до дна.

Но изображение чувств – для нее не самоцель. Любое полотно несет глубокий и сложный философский замысел, который разными людьми прочитывается по-разному. Хочется внимательно, подолгу рассматривать запечатленные кистью художницы проявления человеческой природы, со всеми ее озарениями, влечениями и пороками, вникать в детали, находить взаимопонимание и созвучие собственным мыслям и переживаниям.

Главная тема, которую Исагалиева исследует во всем многообразии и подробностях, – любовь между мужчиной и женщиной. Любовь как великий дар. Любовь, приравненная по значимости к вере. Огромная сексуальная энергия, отравленная горечью знания, ясно просматривается в напряженной ауре, окружающей фигуры на картинах. Они динамичны, словно застыли лишь на мгновение, причудливо переплетены, перекручены и выпуклы до скульптурности. Впечатление, что их выдавливает из пространства какая-то неведомая сила, стихия, заключенная внутри. При этом художница не лепит форму светом. Непонятно, откуда он падает и существует ли вообще его источник? Объем создается просто – сгущением цвета по бокам и просветлением в середине. Порой фигура закрашивается ровно по всему полю, но ощущение объема остается за счет темной или светлой обводки по контуру. Лица не прорисованы, но кажется, что у них есть выражение – настолько красноречивы позы и цвета.

В палитре преобладают оттенки красного. Это естественно: желто-оранжевый ближе всего природному «ориентализму» восточной женщины. Но отчетливо просматривается и другая, глубокая и тревожная гамма – странное сочетание цветов, считавшихся классиками несочетаемыми. На самом деле в колорите Ирина тоже как будто ничего не изобретала.

¹ Постимпрессионизм – общее название течений в живописи конца XIX – нач. XX в., возникших во Франции.

² Фовизм (от фр. *fauve* – дикий) – направление в живописи, для которого характерны эмоциональная сила художественного выражения, стихийная динамика письма, интенсивность открытого цвета, острота ритма.

³ Сезанн, Поль (1839—1906) – французский живописец, один из основоположников постимпрессионизма.

⁴ Вламинк, Морис (1876—1958) – французский живописец-самоучка, представитель фовизма.

⁵ Кубизм – авангардное течение в изобразит. искусстве 1-й четв XX в.

⁶ Пикассо, Пабло (1881—1973) – французский живописец, кубист, неоклассицист, символист.

⁷ Сюрреализм (сверхреализм) – авангардное направление в искусстве XX в., опиравшееся на подсознание.

Синий с зеленым первым, скорее всего, открыто поставил рядом Делакруа⁸, красный по соседству с зеленым, фиолетовый с синим обожал Ван Гог⁹, розовый с голубым и чистый красный – Матисс¹⁰, красный с оранжевым и бирюзовым любил Петров-Водкин¹¹. Исагалиева, сближая контрастные цвета, плавно выводя один из другого, добилась оригинального звучания, сумев сохранить интенсивность каждого. Эти краски она вобрала в подсознание еще ребенком, когда жила у бабушки с дедушкой в Казахстане. Строители среднеазиатских мечетей намного раньше европейцев освоили естественное соседство сине-зеленого, как мавры первыми использовали охряно-фиолетовые оттенки в керамике.

Составляющей очарования картин Ирины является сознательный наив руки и глаза художницы, загадочная недосказанность, многозначность. Пустые пятна лиц, незавершенные конечности, самостоятельная жизнь фона – огромных ярко-красных губ и жадных влажных языков – становятся стилем. Стилем ее собственным, переплавившим многое, но не похожим ни на один из предшествующих. По склонности к кроваво-красному и напряженности сюжета ее картины можно поставить в один ряд с творениями неповторимой мексиканки Фриды Кало¹², тоже игравшей в трагическую наивность.

Фейерверк мыслей и чувств, пронизанных глубоким душевным волнением, – таков обобщенный образ творчества Ирины Исагалиевой. В последних работах все более осязаемо проступает тревога, предчувствие невозможности завершить задуманное, взять планку, которую она сама так высоко подняла. Перед ее воспаленным взором маячит призрак смерти, и она пытается остановить время, неумолимо отмеренное собственной кистью на часах «Последнего танца». Милая московская хохотушка в действительности несла в себе долго сдерживаемый бурный темперамент и чувственность восточной женщины, томительную жажду самоутверждения, независимости и известности. При этом нравственный компонент оставался для нее определяющим. Считая себя казашкой, она страстно желала прославить свой народ, о котором так мало знают на других континентах, и надеялась, что сил на это хватит. Не хватило. Она умерла на пути к своей мечте.

Десять лет ее картины пылились в забвении на дачном чердаке у матери, Ларисы Марковны. Некоторые еще и сегодня лежат там нераспакованные. Под давлением и при поддержке родственников она организовала персональный показ работ, несколько небольших статей в газетах и журналах с выдержками из дневников и иллюстрациями. Посмертная выставка в какой-то мере устранила несправедливость и позволила звезде Ирины взойти на художественном небосклоне. Две девочки из Рязани – Айсу и Эльза – написали в книге отзывов: «Как хорошо, что была такая женщина, и мы надеемся, что ее картины будут жить вечно». Добрые наивные дети! Вечно нет ничего. Память крайне редко пересекает столетия. Уходят поколения, стираются имена, на слуху остается ничтожная часть сверхталантливых или сверхвезучих. Многие достойные незаслуженно забыты, другие так и не достигли популярности или остались непоняты. Внезапно вынырнувшие из безвестности картины Исагалиевой пленяли своеобразным обличьем, сильным эмоциональным зарядом и скрытым трагизмом. Это цепляло, подталкивало разузнать историю создателя столь необычных полотен, чтобы глубже проникнуть в их смысл. А когда ко мне попали заметки художницы, я испытала безудержную потребность о ней написать, чтобы как можно больше людей узнало об Ирине.

⁸ Делакруа, Эжен (1798—1863) – живописец, глава французского романтизма.

⁹ Ван Гог, Винсент (1853—1890) – голландский живописец, представитель постимпрессионизма.

¹⁰ Матисс, Анри (1869—1954) – французский живописец, график, мастер декоративного искусства, один из лидеров фовизма.

¹¹ Петров-Водкин К.С. (1878—1939) – русский живописец, один из выразителей символизма, автор сферической перспективы.

¹² Кало Фрида (1907—1954) – мексиканская художница, жена известного монументалиста Диего Риверы.

Существует мнение, что не слишком этично вторгаться в частную жизнь творческих личностей. Но творчество всегда предполагает публичность, и интерес к биографиям людей искусства – не праздное любопытство, а редкая возможность познать многообразие невыдуманных судеб, воздать любовью тому, кто, следуя Божественному дару, украшает нашу обыденность.

Однако написать биографию Ирины Исагалиевой мне не удалось. Фактического материала слишком мало, об окружении художницы я имела поверхностное представление. Оказалось невозможным переговорить со всеми, кто ее хорошо знал, и посетить места, где она жила и работала. Здравствуют близкие Ирине люди, которые находятся между собой в сложных отношениях, все что-то скрывают и никто не говорит правды до конца. Дневник отредактирован и перепечатан, отдельные записи изъяты, другие обобщены, назойливо подчеркнута мусульманская составляющая духовной жизни Ирины, хотя факты подтверждают ее христианское мироощущение. Американский период художницы резко отличен от всех предшествующих. Непреодолимые трудности, душевное одиночество, разочарования заставили ее пересмотреть и собственную шкалу ценностей, и отношение ко многим людям. Между тем в дневнике все гладко и бесконфликтно, что плохо соотносится с драмой его автора, но, видимо, отвечает задаче редактора – отца Ирины. Это он привез записки дочери из Штатов и отказался показать оригиналы даже бывшей жене. Что же в них такого ужасного? Да и обещанных мне матерью писем вдруг оказалось лишь несколько штук.

По-человечески все это понятно. Никто не виноват, ничего не изменишь – зачем ворошить прошлое? Каждый несет моральную ответственность и не хочет бередить рану, докапываясь до истины, которая может оказаться жестокой. Очевидно, что всей неустроенностью своей жизни, ее трагическому концу Ирина обязана собственному таланту, который долго лежал втуне, а вырвавшись наружу, уже не отпускал ее, мучил без жалости, пока не опустошил. Нежная, нервная, надломленная душа не выдержала безжалостного испытания творчеством. Дар сгибает человека, как ветку на ветру, треплет, отрывает от корня, пробует на зуб, понуждает переступать законы нравственности и человечности. Художница рассчитывала, что ей достанет сил противостоять и победить жесткие принципы чужого общества, не нарушив собственных этических норм.

Близкие старались помочь, но не осознавали истинного масштаба задачи, которую Ирина пыталась решить, глубинности ее порыва, способности идти до конца. Настоящей поддержки и мудрого совета, когда руководствуются не сиюминутной конъюнктурой, а жертвенной любовью, она не получила, оставаясь одинокой, оторванной от всего, что было ей дорого. По мере знакомства с материалами во мне укрепилась чудовищная мысль: все, кто искренне любил Ирину, подталкивали ее к смерти, действуя из самых лучших побуждений. Так проявляется рок, так выглядит обратная сторона добрых намерений. Да, никто не хотел зла. Но мы живы, а она умерла.

Вот тут я почувствовала нерв истории, сопричастность к трагической судьбе молодой художницы, увидела в ней не только яркую личность, но и обусловленную закономерность, а потому, несмотря на неблагоприятную ситуацию, решила не отказываться от задуманного и написать свободную повесть. В основу сюжета легли некоторые события из жизни Ирины, формирование ее как живописца и описание картин. Все остальное – плод моей писательской фантазии. В этой книге лишь художественная правда. Настоящая личная жизнь и имя Ирины всегда будут принадлежать только ей.

Что касается творческого процесса и философских взглядов героини – они, насколько возможно, приближены к реальности. Чтобы понять направление ее мыслей, я перечитала любимые книги Исагалиевой, биографии и творческие концепции сходных по манере художников, поэтому, надеюсь, недалеко от достоверности. Выслушав очень разные мнения специалистов об Ирине-живописце, составила собственное суждение.

Сила жертвенности и несомненная обреченность личности, а также эротичность изобразительного ряда как признанное философией свойство истинной гениальности позволяют думать, что ее дар был больше, чем просто талант. Вместе с тем слишком активное желание стать знаменитой способно насторожить. Для непосвященных оно выглядит беззащитно-самоуверенно или глупо-наивно. На самом деле за этим заявлением стояло не завышенное самомнение, а великое творческое дерзновение, на которое мало у кого хватит мужества. У Ирины, чтобы осуществить задуманное, не хватило жизни. А если бы хватило? Часто возникает иллюзия – проживи одаренный человек дольше, его творения признали бы мировым достижением. Но мы имеем дело с искусством, тут все непредсказуемо, все столь же ярко, как и зыбко, особенно если речь идет о живописи. Любой талант, чтобы состояться вполне, требует совпадения множества почти невыполнимых условий. Талант обладает силой, но он хрупок, как всякая неповторимая и неизвестно из чего возникшая субстанция. Социальные катастрофы и просто неблагоприятные обстоятельства легко способны его погубить.

Стала бы Ирина Исагалиева знаменитым художником, если бы поборола невзгоды, вернулась в Россию и написала еще несколько сотен картин или, например, занялась, как планировала, скульптурой и ювелирным делом?

На эти вопросы нет и не может быть ответа. Ответ могло дать только будущее, которого у Ирины не оказалось. Однако ее творческая судьба не менее интересна, чем ее картины, и шокирующе поучительна. Индивидуальная человеческая личность неповторима, но ее слабые мы находим в себе.

1

Ночью прошел легкий дождик, какой часто бывает в предгорьях. И без того свежий, воздух наполнился терпким ароматом растущих по склонам темно-зеленых сосен и елей, из долины поднимался запах цветущего разнотравья. Небо очистилось и приобрело такую яркую голубизну, что резало глаза, даже такие узкие, как у хозяйки большой дачи, обнесенной высоким забором. Дом утопал в нескончаемом фруктовом саду, и высоченные груши закрывали вид на льды и снега Заилийского Алатау, но потомственная астраханская казашка и жена одного из главных людей самой большой советской республики всегда носила этот образ в своем сердце. Когда ее одолевали сомнения или тревоги, от которых не защищены даже те, кто не знает материальных проблем и много лет живет во взаимной любви с единственным супругом, она спускалась в распадок.

Весной низину, словно кровью, заливали цветущие маки, летом покрывали седые метелки ковыля на желтой траве, играючи скакала по великим и малым камням, занесенным паводком, прозрачная речка Алма-Атинка, где водилась крупная форель. Закинув голову, Раушан долго смотрела на ослепительно сверкающие горные вершины. Равновесие в душе восстанавливалось, и женщина возвращалась к своему дому, слегка задыхаясь на крутом склоне от полноты большого крепкого тела.

Городской квартиры она не любила, ездила туда редко, если только вещь какая понадобится или меховые шубы придет пора перетрясти, а круглый год жила на правительственной даче. Как предписывали морально-этические нормы социализма, дача строилась без претензий – деревянная, одноэтажная, с несколькими спальнями, большой залой и вместительной кухней, с водопроводом и двумя цивилизованными туалетами. Во дворе был вырыт бассейн для летнего купания. Дом казался просторным до тех пор, пока летом не съезжались бесчисленные родственники.

Поздняя весна – самое лучшее время года: уже не холодно, но и не жарко, ранняя зелень и фрукты поспели, а гости еще не нагрязнули. Сегодня из-за ненастья завтракали на огромной застекленной террасе. За столом сидели втроем: Ата Шакен, Апа Рая (мама Рая – так звали бабушку Раушан по-домашнему) и маленькая девочка – смуглая, темноглазая, смешливая, смышленная не по летам. Перед ними стояли два-три овощных и фруктовых салата, неизменные пирожки с капустой, теплые, не успели остыть и просто таяли во рту – повариха постаралась, и еще гречневая каша, но ее, по рекомендации врача, морщась, ела только хозяйка.

– Не кушай эту грязную кашу, – сказал ребенок, расправляясь с сочными грушами-скоропелками. – Разве такая некрасивая – поможет от болезни? Как она называется, я забыла?

– Диабет.

– Привет, диабет – коричневый цвет! – Иришке нравилось выдумывать и рифмовать разные слова, иногда она даже сочиняла песни на каком-то своем птичьем языке и хохотала оттого, что никто ее не понимает. – Видишь, какая я здоровая, потому что ем желтые груши, а Ата – зеленый салат! Ведь так, Аташка?

Шакен Ахметович Исагалиев поднялся из-за стола – высокий, хорошо сложенный, с интересным и значительным лицом, – вытер губы крахмальной салфеткой и поцеловал внучку в макушку:

– Так, так, моя умница.

Привычно твердое выражение его глаз осветилось нежностью и добротой. Эта девочка была его слабостью.

Он взял портфель и с крыльца спустился к машине. Задняя дверца уже была распахнута, и русский шофер с почтительной улыбкой ожидал важного государственного деятеля, которого возил не первый год с великой осторожностью, на скорости не больше шестидесяти

километров в час, неукоснительно выполняя требования своего непосредственного начальника – сотрудника госбезопасности.

Большой и маленький человек поздоровались за руку, мотор мягко заурчал, черный «ЗИС», блестя никелем и лаком, вырулил на дорогу. Работник, присматривавший за постройками и садом, бросился закрывать ворота, а Иринка, в одних трусах и маечке, вприпрыжку убежала за дом. Раушан проводила ее любящим взглядом и не спеша двинулась к калитке – как только служебная машина переехала мост через реку и скрылась за поворотом, откуда-то повыползали десятка полтора мужчин и женщин и выстроились в аккуратную очередь снаружи. Они пришли к Апа с самыми разными бедами: у одного дом развалился, а денег на ремонт нет, у другого свояк болеет, но врачи отказываются класть в больницу, у хромого старика сына посадили за кражу лепешки и теперь инвалида некому кормить, молодая девушка просила защитить от мужа, который бьет ее смертным боем. Мало ли у людей проблем, которые мешают жить, но для власти слишком мелки? Простого человека никто не слушает, да он и не ведает, куда обратиться, зато про жену Исагалиева знают все, приезжают даже из далеких аулов. Она принимает просителей стоя, прямая и крепкая как скала, с высокой грудью и обманчиво надменным выражением блестящих глаз. Подробно и строго расспрашивает каждого, слушает внимательно и держит в памяти десятки судеб. Никогда не вмешивает в эти дела мужа – сама звонит куда надо. Шакен интеллигентный, лишний раз тревожить коллег незначительными вопросами не станет, у него больших задач хватает, а Раушан – напористой, пробивной – многое удастся. Поэтому сегодня, как всегда, своей очереди терпеливо дожидаются те, кто пришел не только просить, но и поблагодарить за помощь: слава Аллаху! Люди довольны: если Апа и не пособит, так посоветует, а то и денег даст, бедным женщинам свои платья и платки дарит, даже и совсем новые.

Отпустив последнего просителя, Раушан села в плетеное кресло-качалку, вытащила из кармана широкого платья сигареты и закурила. Хотя муж табак не жаловал, сама она никак не могла избавиться от дурной привычки, приобретенной еще в молодости, а скорее всего, не хотела бросать – сигарета помогала расслабляться и спокойно выстраивать мысли. Мыслей всегда было много. Несмотря на невозмутимый вид, который Рая старалась сохранять, внутри нее бурлили страсти. Она их сдерживала, стараясь не выпускать наружу, – положение и возраст обязывали, но получалось далеко не всегда. Настроение менялось быстрее погоды: то всех обнимает, то глядит сумрачнее осенней тучи. А бывало, идет из гостей слегка навеселе, пританцовывая, сорвет на городской клумбе розу и воткнет себе в волосы. Шакен – в смущении, а она хохочет.

Утром глаза сурьмой подводит, муж смотрит с укоризной:

– Куда тебе! Ты давно бабушка!

Раушан всю себя отдала семье, но это не отменяет самостоятельности и гордости, мужа уважать надо, однако и собственных интересов не забывать. Характер у Раи независимый.

– Мои глаза! Что хочу, то и делаю! – отвечает строптиво. – Забыл, видно, что казашки никогда паранджу не носили?

Шакен не забыл и другого: как без памяти влюбился в шестнадцатилетнюю взбалмошную и своенравную детдомовку, а она так прибрала его к рукам, что он оставил ради нее жену с ребенком. Теперь у него еще трое сыновей и полно внуков.

Рая на своих взрослых детей и невесток смотрит вприщур, копит, копит возмущение, да и выдаст им по первое число, а то и матом обругает, исключительно на русском языке.

Старшая келин¹³ как-то не выдержала:

– Ну, как вы можете, Раушан Касымовна!

¹³ Келін – невестка, сноха (казах.).

У свекрови ум быстрый, острый, а недостаток знаний с успехом заменяет интуиция. Она знает, с кем и как можно разговаривать. Эту невестку – независимую, сдержанную, образованную, единственную, кто зовет ее на чужой манер – по имени-отчеству, – Рая уважала.

– Да так уж получается, извини.

«Сыновья – непутевые парни, дурные, какие они казахи – родного языка не знают, – размышляла Раушан, раскачиваясь в кресле и выпуская из ноздрей табачный дым. – Все на русских переженились, так еще по несколько раз! Своих девок, что ли, мало? И ведь любила всех одинаково, и отказа ни в чем не имели, а выросли разные. Старший самый толковый, экономист, супруга, хоть и вторая, ему хорошая помощница, мать безупречная. Средний строительный вуз не закончил, хотя способный, но к водке равнодушен, уже много жен сменил, правда, детей любит, да что толку, если сам содержать не может, на папу с мамой надеется. Внуков на лето все сюда свозят, словно в детский сад, да и взрослые не прочь отдохнуть бесплатно на готовеньком. А то еще лучше – малышей здесь бросят, а сами – хвост трубой, гуляют, словно мартовские коты. Родители называется! Безответственные. Младший сын в семнадцать лет так влюбился, что дома перестал ночевать. Я-то понимаю, страсть за дверь не выгонишь. Сказала: веди свою красавицу в дом, лучше тут вместе спите, чем неизвестно где. Несозревшие люди, а семью завели, ребенка родили. После окончания Института стали и сплавов направили младшего в Темиртау, и жена с ним поехала – это правильно, мужчин надолго бросать нельзя, все они верные, пока вожжи в руках держишь. Грудную девочку бабушке оставили: нет, мол, там условий для ребенка. Естественно, таких, как здесь, – нет и быть не может. Должность Шакен заслужил высокую – сначала в Москве работал, теперь на родине, и все с почетом. Сыновьям до отца далеко».

Рая так глубоко затянулась табачным дымом, даже голова кругом пошла. Вздохнула:

– Да! Что посеешь, то и пожнешь. Давным-давно сама за мужем в Алма-Ату уехала, а мальчиков в Москве на домработницу кинула, школу заканчивать, родственниц посылала присматривать, у казахов принято помогать, да и отчего бы лишний раз в столицу не прокатиться. Только никакие тетки родителей заменить не могут. Бесполезно теперь упрекать, искать в сыновьях то, чего они не получили. С нее же пример и берут. А ребенок должен расти возле отца с матерью, родным теплом согретый, особенно маленький. Иринке пяти лет нету, а соображать начинает, характер заимела! Правда, грех жаловаться, нам с дедом повезло – будто на старости лет вернулась наша умершая первенькая, Саида. Внучка ее место в сердце заняла. Вылитая казашка, не зря, по обычаю предков, я своей рукой девчущку наголо обрила, когда она еще в колыбельке лежала, чтобы волосы хорошие выросли. Шакен возмутился, а мне что – у восточной женщины должны быть длинные косы. Из полукровки настоящую казахскую дочь воспитаю! Она меня мамой называет. Столько в ней любви и доброты, все свои игрушки готова раздать! Только жутко ревнивая, привыкла, что целый год все только вокруг нее одной вертятся. Как заметит, что другим внукам внимание уделяю, аж задрожит вся, ко мне прилипнет, не оторвешь. Зря ревнует. Люблю ее больше всех и не скрываю, потому что на меня похожа. Я вообще люблю тех, кто на меня похож. А других пусть любит Шакен.

Раушан докурила сигарету, раздавила окурочек в медной пепельнице и пошла в дом, проследить за тем, как готовится еда. Муж обедает и ужинает на службе, там прекрасная кухня и продукты, возвращается поздно, уже затемно, и тогда чай пьет, а Иришка кушает хорошо, только капризничает – не хочет без деда засыпать, потому что он ей сказки рассказывает. Шакен много читал, много знает, вчера, например, сказал, что нашим горам 12 миллионов лет и они каждый год подрастают на пять миллиметров. У девочки глаза загорелись:

– А я на сколько расту?

– Ты быстрее.

– Почему?

- Потому что мы не горы, мы люди, живем меньше, а нужно многое успеть сделать.
- Ты уже вырос?
- Да. И даже состарился.
- А потом умрешь, как сосед Биржан, которого хоронили зимой?
- Это не скоро. Ты об этом не думай.
- А я, что ли, когда вырасту, тоже умру?
- Сказал – не думай.
- Я не думаю, но мне страшно.
- Не бойся, ты никогда не умрешь, – убежденно сказал Шакен, и глаза его увлажнились.
- Точно?
- Маленькая девочка, а не простая, на других детей не похожа, вопросы странные задает.
- Точно. Давай я лучше тебе сказку доскажу, что вчера начал. Про синюю птицу.
- Которая живет в горах Алатау?
- Да. И ее могут увидеть только те, кто хорошо себя ведет, слушается старших, не обижает животных и вовремя ложится спать.

Как ни образован был Шакен Ахметович, а Меттерлинка не читал и спектакль Московского художественного театра в детстве не видел, но в каждом народе есть своя легенда о синей птице счастья, которая где-то существует, наперекор всем тяготам жизни. Про нее он слышал еще от прабабки.

– Рассказывай!

Так занимательно, как Ата, Рая говорить не умеет: у нее всего два класса арабской школы и родителей рано потеряла, в нищем детстве не до сказок было. Но и она, как полагают казахам, знала *жеті ата* – историю своих предков до седьмого колена, и еще легенду про Ашина, внука волчицы и прародителя многих тюркских народов. Чаще всего Апа с внучкой в куклы играла, слушала, как девочка, не зная ни одной ноты, какие-то свои песенки и музыку на пианино сочиняет, да так забавно получается! И еще Иринка любит заглядывать на кухню и лепить из теста фигурки людей и животных, потом долго раскладывает их на противне, словно выпекает сценки из жизни: вот дитя, круглое, толстое, держит за руки двух взрослых, с одного боку – лошадь, похожая на собаку, а с другого – малюсенький человечек с двумя головами.

Рая с недоумением тычет в двухголового пальцем.

– Что за чудо? Таких людей не бывает.

– Бывает! Это мама с папой! – выкрикивает Иринка и со смехом убегает.

Вот так! А еще считают, что маленькие ничего не понимают. Смотри какие. Наша проказница любопытная, обо всем допытывается и, похоже, что-то там себе, в своей крошечной головке, раскладывает.

Из кухни Раушан прошлась по комнатам, обставленным скромной казенной мебелью, проверила, тщательно ли застелены постели, вытерта пыль, выбиты половики. Сама она давно хозяйством не занималась, а если честно, то и прежде не любила, однако следить за порядком – другое дело. Она поменяла местами вязаные салфетки на комод – домработница столько лет не может запомнить, что желтая – справа, а зеленая слева. Раушан давно перестала ей выговаривать, просто исправляла ошибку – эту под коробку с серьгами, бусами и браслетами, а другую под щетку для волос. Рая взглянула на себя в зеркало – седины в черных косах немного, но на висках уже заметна. Надо басмой покрасить, ведь не старая же, Шакен еще в силе, по выходным, когда отдохнет от службы, радуется ее любовью. Она счастливая женщина. А может, несчастливая? Ведь нету из-за детей в душе покоя. Хоть бы Ирочке повезло! Как-то жизнь у нее сложится, когда к родителям переедет? Ребенок привык к ладу в семье, вниманию и тишине, а жена у младшего сына яркая, взбалмошная, и он

сызмальства очень уж самолюбивый, с чужими желаниями считаться не станет. Рано или поздно, скандалы обязательно начнутся.

Эти мысли так взволновали и расстроили пожилую женщину, что она забыла, как сама любит покрикивать на домашних. Собралась накапать в мензурку валериановых капель, но передумала, пошла в спальню, достала из платяного шкафа спрятанную от среднего сына за платьями и костюмами бутылку армянского коньяка, плеснула немного в стакан. Вдыхая сладкий аромат, выпила обжигающую жидкость маленькими глоточками – конечно, не шампанское, но сойдет, чтобы поднять настроение. Пошла на террасу, прилегла на широкий диван – тут ночевал Шакен, когда летом набегала орда родственников, – и задремала.

Между тем в дальнем конце сада Иринка нащупала знакомую доску, висевшую на одном гвозде, отодвинула ее и, сторожко оглядываясь, начала потихоньку спускаться в долину, откуда, сказал Аташка, можно увидеть высоко в небе синюю птицу. Ребенок мог бы воспользоваться калиткой, до замка которой уже дорос, но тогда пропала бы таинственность сказочного путешествия.

Трава и кусты стояли так густо, что приходилось раздвигать их руками, ноги скользили по крутому склону. После дождя влаги в тени осталось много, вскоре одежда и туфельки промокли насквозь, девочка дрожала от холода, но, будучи упорной от природы, не оставила своего замысла. Наконец она выкатилась на ровное место под лучи солнца, села на большой теплый валун, надеясь согреться, и стала разглядывать громаду горы в белой шапке, похожей на те, что носят мужики в аулах, потом запрокинула голову, чтобы поискать птицу, и в изумлении вскрикнула: прямо над нею сияла разноцветными красками крутая дуга. Вот это красотища! Конечно, в саду, на клумбах или на платьях у мамы Раи она видела разные цвета, но тут они были красивее, ярче и все вместе сразу. Один конец цветной дорожки таял в небе, а другой прятался неподалеку, в лесу, на той стороне реки. Ира забыла про птицу, побежала через мостик – разглядеть радугу поближе. Смотрела вверх, чтобы не потерять направления, часто спотыкалась и падала, но чем ближе подходила, тем дальше отодвигался пестрый шарф, дразнил, не давался.

Девочка устала, боялась идти дальше, но и расставаться с такой красотой не хотела. Она запрокинула голову, зажмурила глаза, как могла шире разинула рот и вообразила, что эта цветная полоса сейчас покинет небо и войдет в нее.

– Давай, давай! Сюда, сюда! – твердил про себя ребенок и даже призывно и нежно помахивал в воздухе маленькими пухлыми руками, подтверждая свое желание и сообщая радуге, что пугаться не надо, будет хорошо и тепло, как на груди у мамы Раи.

Зачем ей нужна необычная дуга, Иринка не знала, но знала, что нужна. Поэтому стояла долго, сколько хватило сил. Когда она закрыла рот и открыла глаза, то увидела небосвод ровного синего цвета, без единого пятнышка. Удовлетворенно сглотнула и почувствовала слабую боль – все-таки эта длинная штуковина поцарапала ей горло. Неважно, главное, она сделала, что хотела. Теперь можно идти домой.

В это время Раушан снился странный сон: как будто она в ванной трет мочалкой и никак не может отмыть Иришку от какой-то краски. Многоцветная вода, пузырятся и урча, поступает не из крана, а снизу, из сливного отверстия, и поднимается все выше и выше, пока не накрывает ребенка с головой. Рая вопит, шарит руками в густой маслянистой жидкости и – просыпается от собственного крика.

Она села на диване, безумно тараща глаза, во рту пересохло, а сердце бешено колотилось. Вокруг было тихо, спокойно. Как хорошо, что это только сон! Девочка, наверное, в саду – белых бабочек ловит или венки из полевых цветов плетет.

– Ирина!

Никто не откликнулся. Раушан проворно спустилась с деревянного крыльца и увидела работника. Зычно крикнула:

- Дочка в саду?
- Нет ее там, хозяйка.
- А где?
- Не видел.
- Ищи скорее!

Они вместе обшарили весь участок, пока не заметили в заборе сдвинутую доску. Дыра невелика, но для маленького тельца достаточная. Раушан успела погрозить пальцем работнику, вовремя не заделавшему прореху, пулей вылетела за ворота и побежала вниз по склону, угрожающе повторяя: «Кто ты там есть, на небе? Сохрани мне дитя!» По образу жизни своей и мужа она была атеисткой и в Аллаха не верила, но в опасные минуты жизни бог откуда-то появлялся в ее душе, и что он может спасти Ирочку – Рая не сомневалась.

Беглянку, уже возвращавшуюся домой, обнаружил садовник – смекнул, что надо идти по направлению дырки в заборе. Раушан отняла у него девочку, целуя и плача, на руках внесла в дом.

– Айналаин, айналаин¹⁴! Зачем ушла? Ты же никогда не выходила за ворота! Ноги совсем мокрые! Простудишься! Я чуть с ума не сошла! Надо слушаться! Ты же знаешь, как я тебя люблю!

Ира только молча улыбалась, но даже если бы она хотела что-то сказать, в поток вопросов и восклицаний мамы Раи невозможно было вставить ни единого слова. Девочку переодели, закутали в одеяло, напоили горячим чаем с жирным молоком и уложили в постель. Однако к вечеру поднялась температура. Срочно из Алма-Аты вызвали врача, который определил ангину и выписал кучу рецептов. Как только эскулап скрылся за воротами, Раушан выбросила бесполезные бумажки и начала лечить больную испытанными домашними средствами, от которых больше пользы, а главное – никакого вреда.

Раньше обычного приехал со службы Шакен. Он сел у постели внучки и, страдальчески взглядываясь в покрасневшее личико, положил на лоб сухую прохладную ладонь.

– Горло болит?

Она кивнула. Она никогда не жаловалась и была терпелива.

– Врач сказал – ангина?

Иринка опять кивнула: не могла же она сказать Аташке, что проглотила радугу, все равно не поверит.

– Ангина – плохая штука, опасная, сердце может ослабеть. Надо слушаться маму Раю и никуда не ходить одной.

– Не волнуйся, Аташка. – Большие черные глаза, лихорадочно блестящие от высокой температуры, стали серьезными, даже суровыми. – Ты же сам сказал: я никогда не умру.

Когда внучка заснула, супруги Исагалиевы переместились в спальню. Шакен нежно обнял жену и поцеловал долгим волнуящим поцелуем. Она ждала продолжения, но муж только тяжело вздохнул.

– Что случилось? – тихо спросила чуткая Раушан.

– Звонил Хрущев. Его не устраивают темпы и размеры освоения целины. С Кунаевым¹⁵ он портить отношения не хочет, знает, что тот против дальнейшей запашки земель и искусственного орошения, иначе овец негде будет пасти и засоление почвы неминуемо, Аму-Дарья и Сыр-Дарья пересохнут, Арал погибнет. Степь складывалась тысячелетиями, переделывать природу опасно, больше потеряешь, чем найдешь. Вот Хрущев Кунаева и умаслил, из министерского кресла в партийное пересадил, а теперь хочет, чтобы я выступил на пленуме с

---

¹⁴ Айналаин – дорогая (казах.).

¹⁵ Кунаев Д.А. – председатель Совета Министров Казахской ССР (1955—1960, 1962—1964) и 1-й секретарь ЦК КП Казахстана (1960—1962, 1964—1986).

критикой как бы от имени нашего Верховного Совета. Отказать – не могу, только если подать в отставку, но ее не примут, начнут доискиваться до причин. Выполнить просьбу – против моей натуры. Я Кунаева уважаю и считаю правым, врать и кривить душой не умею. Убедить в неправоте Никиту Сергеевича невозможно, человек он необразованный: раз власть у него, то и считает себя умнее всех. Не вижу выхода. Хоть в петлю лезь!

– Еще чего! – яростно вскрикнула Раушан. – Они в свои игры играют, а ты все через сердце пропускаешь. Делай, как велит этот *шволочь*.

– Не ругайся, – укоризненно покачал головой Шакен.

Жена оставила замечание мужа без внимания.

– Зачем волноваться, если вопрос с целиной давно решен?

– Но ведь это моя родина! Как же не болеть сердцу?

– Валидол положи под язык. Нет у тебя такой силы, чтобы Москве перечить. Может, скоро украинского борова скинут, не успеет он всю казахскую землю перепахать.

– Кунаев мне такого выступления не забудет, если Хрущев слетит, сразу и я вслед за ним в отставку отправлюсь.

– И прекрасно! Хоть на старости лет поживем, как люди. – Рая обняла мужа полными горячими руками и сказала глубоким воркующим голосом: – Иди сюда, любовь моя, я тебя пожалею.

2

Отец Иришки Санжар, младший сын Исагалиевых, отработал после вуза как молодой специалист три года по распределению на Карагандинском металлургическом комбинате в Темиртау и использовал старые институтские связи, чтобы окончить аспирантуру в Москве и получить там хорошее место. Отец напрямую не помогал, но известная фамилия уже сама по себе являлась рекомендацией. К тому же парень способностей выше средних, родился и учился в столице, так что культурные традиции усвоил русские, отчего бы не взять его в союзное министерство? Взяли и не пожалели – инженер оказался толковый.

Жена Лариса, коренная москвичка, вздохнула с облегчением: жизнь в небольшом промышленном городке, без привычных веселых компаний, больших магазинов и театров ее угнетала. Работы не было, как, впрочем, не было у нее и образования – до замужества успела полгода поучиться на чертежника, но Лариса и не стремилась встать за кульман: содержать семью должен мужчина, а в Москве она себе применение найдет. В Темиртау от безделья занималась фотографией – Ата подарил Санжару на день рождения прекрасную немецкую «лейку». Снимки получались неплохие, даже в местной газете несколько раз появлялись за подписью «специальный корреспондент Л.М. Исагалиева». Теперь можно попробовать пристроиться в какую-нибудь столичную редакцию: ни тебе трудового графика с девяти до шести, ни обязательств и профсоюза – свободный художник, но какой круг общения! Дочь надо отдать в детсадик – ребенок должен развиваться в коллективе и не мешать родителям вести полноценную жизнь.

В Москву прилетели, во-первых, на самолете, во-вторых, зимой. Иринка изо всех сил тарасила раскосые глаза: сначала на облака в иллюминаторе, а потом на белый снег, такой же сверкающий, как на Алатау, но там он лежал в недоступной вышине, а здесь повсюду – прямо под ногами, сваленный в сугробы возле домов, раздавленный грязными колесами автомобилей на дороге. Только странно, даже чистый – он не везде был белым. В тени его цвет в солнечный день менялся от голубого до лилового, в пасмурный выглядел серым, а ночью темно-синим и даже вообще черным. Когда весной снег начал таять, девочка расстроилась – такая красота утекла с мутной водой.

Поселилась семья пока у родителей Ларисы на Соколе. Одну комнату из двух – отдали молодым, отгородив кровать ребенка от взрослой платяным шкафом. Сзади на шкаф прибили ковер – иллюзия автономности и звуконепроницаемости. Молодым приходилось себя сдерживать, подвергая пылкую любовь опасным испытаниям. В другой комнате стояла старинная, с никелированными шариками, кровать родителей и общий обеденный стол, так как кухня не вмещала больше двух едоков. Между окном и дверью приютилась самодельная тумбочка под ламповым радиоприемником «Телефункен», который отец Ларисы Марк Степанович привез с Отечественной войны в качестве трофея. Глава семейства уже двадцать лет работал в строительном тресте счетоводом, получал 82 рубля 30 копеек в месяц и ожидал за долготерпение законной десятипроцентной прибавки к пенсии – до нее, правда, нужно еще дожить. Вставал в семь утра, пил на кухне чай с калорийной булочкой и отправлялся на службу до семнадцати ноль-ноль. В руках он нес чемоданчик, где лежал обед – два бутерброда с «отдельной» колбасой, завернутых во вчерашнюю, им же прочитанную газету «Правда», одно яйцо вкрутую и термос с жидким, но сладким чаем. Иришкино внимание привлекал в чемодане другой, совершенно непонятного назначения предмет – черные сатиновые нарукавники. Она долго разглядывала, вертела туда-сюда странные тряпочки с резинками.

– Это чтобы рукава пиджака не лоснились и не протерлись раньше времени, – удовлетворил дед Маркуша любопытство внучки. – Я ведь целый день сижу за столом, щелкаю на счетах и пишу.

– А что ты пишешь?

– Цифры.

– Одним цветом?

– Нет, двумя. Синим и красным. Но синим больше.

– А для чего цифры?

– Все должно быть посчитано.

– Зачем?

– Чтобы был порядок и ничего не потерялось.

– Твое?

– Наше общее – государственное.

Порядка Иришка блюсти не любила, вещи, игрушки разбрасывала, но работа деда вызывала у ребенка уважение.

– Ты, наверное, очень умный, – сказала она почтительно.

– Нет, – честно ответил Марк Степанович, не получивший настоящего образования, а только окончивший после войны трехмесячные курсы, – я не очень умный, но очень аккуратный.

Марк Степанович внешность имел самую неприметную, серенькую. Иришка исподтишка разглядывала его лицо: большие темные глаза, круглые брови, даже нос – совершенно мамины! Но мама красивая, а дед Маркуша – нет. Как будто мама смотрится в старое, поцарапанное и пыльное зеркало. Еще у мамы углы губ, когда она смеется, весело загибаются кренделечками вверх. Возможно, губы – от бабушки, но этого уже совершенно нельзя разобрать.

Жена Марка Степановича Любовь Викентьевна, обычная домашняя хозяйка, погруженная в хлопоты и экономию, рано состарилась. Была она покладистой и незлобивой, а может, просто устала сопротивляться давлению жизни. Сколько себя помнила, все что-то мыла, терла, варила, гладила, штопала. Лежащей или хотя бы сидящей без дела ее никто не видел. По выходным, когда муж законно отдыхал, ездила на электричке в подмосковные деревеньки за дешевыми и тяжелыми северными овощами – свеклой, картошкой, морковкой – запасалась на зиму. Пришила к мешку лямки и таскала доверху набитую ухабистую торбу на костистой спине, а в каждой руке – по авоське: мало везти – билета не оправдаешь. Дома она круглый год носила ситцевый халат, передник немаркой расцветки и войлочные тапки. Сквозь реденькие волосы с проседью просвечивала розовая кожа сухонькой головы, на которой короткий, но мясистый нос казался посторонним. Зубов у бабы Любы спереди не хватало, она этого стеснялась и смеялась с закрытым ртом, а губы втягивала внутрь. Разговаривала мало, на вопросы отвечала тихо и как-то виновато. После громкоголосой, решительной и темпераментной мамы Раи московская бабушка Иринку не заинтересовала, но часто удивляла. Когда зимой, во дворе, катаясь на спине с ледяной горки, девочка стерла до пролысин новое кроличье пальтишко, баба Люба заплакала:

– Такая славная шубейка была!

– Зачем плакать, бабуля, надо пойти в магазин и купить новую, – утешила ее Иринка.

А летом прибежала домой в одних носочках – подарила новые туфельки подружке, они той понравились. Баба Люба не выдержала:

– Нельзя все отдавать другим, себе не останется.

– И пусть. У меня старые в шкафу стоят.

В другой раз привела с улицы мальчика:

– Витя будет у нас обедать, у него дома нечего кушать, а ты готовишь вкусные котлеты. И не смотри так, бабуля! Если у тебя нет лишней, отдай ему мою, а я съем кашу.

В детском саду Иришку поначалу принялись дразнить китайкой. Она обиделась.

– А кто же ты? – спросил мальчик-заводи́ла. – У тебя глаза косые.

– Я дочь казахского народа!

Ира оказалась доверчивой и внушаемой. Нашлась девочка постарше, которая убедила новенькую, что может превратить ее в лягушку. Единственное спасение – выкуп. На другой день Ира притащила в детсад всю мамину бижутерию. Положение спасла воспитательница, но Лариса дочь очень ругала, а бабуля Люба согласно кивала головой – испортили внучку богатые сваты. Как станет дальше жить? Тяжело обернется баловство – ведь не все коту масленица. Жена Марка Степановича прожила долгую жизнь и знала это наверняка.

Черноглазая шустрая Иришка ей нравилась, усталая женщина прижимала ко впалой груди маленькое тельце, и сердце накрывала горячая волна такой щемящей сладости, которой она прежде не знала, а может, просто позабыла за разъедающими время заботами. Бабушка и внучка хорошо относились друг к другу, но взаимопонимания так и не нашли.

Пока Санжар приобретал чиновничий опыт и зарабатывал авторитет, Лариса с головой окунулась в бурную и яркую культурную жизнь столицы 60-х годов XX века. Выступления поэтов в Политехническом музее, первые выставки авангардного искусства, подпольные барды, зарубежные оперные звезды на сцене Большого театра. Восстановив старые знакомства и завязав новые, Лариса с легкостью доставала любые билеты. Среди ее друзей числились артисты, художники, литераторы, никто не оставался равнодушным к красивой женщине, веселой и без комплексов. Когда она была еще совсем маленькой и похожей на жучка-паучка, одна девочка во дворе, презрительно скривив губы, безжалостно сказала ей:

– Ты такая некрасивая!

– Дура! Я очень красивая! – уверенно ответила кроха.

Впрочем, красивых женщин много, важно уметь себя подать. Лариса – умела. Кто-то из знакомых привел ее в редакцию единственного в отечестве глянцевого журнала, служившего рекламой советского образа жизни. Печатался журнал на импортной бумаге большими тиражами и распространялся в республиках СССР и странах Восточной Европы с лояльными режимами. Фотографы здесь работали самого высокого класса, и Лариса конкурировать с ними не могла, однако главный редактор посчитал, что глупо упускать красотку, тем более с известной фамилией, и ей нашли место ретушера, определили на заочные курсы. Но важнейшая обязанность новенькой – вовремя согреть электрический самовар к утреннему, дневному и вечернему перерыву или к перманентным редакционным совещаниям, сидеть во главе длинного служебного стола и раздавать красивые чашки красивыми руками, вдохновляя журналистов, художников и просто чиновников, поставленных присматривать за вольнолюбивой творческой братией, чтобы литературный процесс двигался в правильную сторону.

У Ларисы появились небольшие, но свои, к тому же неучтенные деньги, она ходила с подругами в кафе, завела связи в валютных магазинах, где доставала модные вещи, и стала выглядеть еще прекрасней, чем прежде. За ней ухаживали многие, но она никому не отдавала предпочтения: ее вполне устраивало общее поклонение, оно повышало тонус. Правда, подающий надежды журналист Ленечка Ривкин все же нравился ей более других, может, потому, что был отчаянно влюблен в новую сотрудницу.

Увлеченная успехами у людей богемы, Лариса не замечала, что мужу не очень нравится ее новое окружение, вечерние культурные мероприятия, хождения по ресторанам. К запахам дорогих духов примешивались легкие пары алкоголя и заграничных сигарет. Несколько раз видел из окна, как поздно вечером ее подвозил к дому на своей машине невысокий мужчина в модной дубленке. Зная неукротимый темперамент жены, Санжар не слишком верил

ее показной добродетели. Он давно смирился с тем, что Лариса плохая хозяйка, но она оказалась еще и безответственной матерью. Слишком молодая и отвыкшая от ребенка, который долго жил у его родителей, она больше занималась собой, чем дочерью.

Иришка, непоседливая и озорная, с первого класса вызывала нарекания педагогов. На уроках слушала плохо, отметки по всем предметам и поведению имела посредственные, писала с чудовищными ошибками, притом что читала бегло и с удовольствием, но только не учебники. Даже по рисованию, предмету легкому и обычно детьми любимому, вытягивала только на тройку. Как-то сидела за обеденным столом, выполняя домашнее задание – изобразить свой двор. Вся клеенка пестрела лужицами акварели, в альбоме красовались оранжевые круги, а посередине – синий крест на зеленом квадрате. Пробегавшая мимо в темпе Лариса заглянула через детское плечо:

– Это что такое?!

– Окно, в которое я смотрю на солнце.

Мать недоверчиво покосилась на раму, выкрашенную голубой краской, но сказала:

– Я ничего подобного не вижу.

– А я вижу!

– Где?

Иришка ткнула себя пальцем в висок:

– Здесь!

– Но во дворе – дерево, качели, скамейка. Посмотри!

– Сама смотри, если тебе не надоело каждый день видеть одно и то же.

В школе за рисунок Ира получила двойку.

– Ну, кто прав? – ехидно спросила мама, не блиставшая педагогическими талантами.

Дочь обиделась:

– Наш учитель, как и ты, ничего не понимает! И вообще, мне не нравится рисовать.

– А что тебе нравится?

– Дружить.

Действительно, друзей у Иры появилась масса, и всем она старалась помочь. Ее любили не только за доброту, но за верность и легкость характера. А разбираться со школьными заданиями приходилось отцу. Девочку такой вариант устраивал вполне: вместо крикливой безалаберной мамы, которой всегда некогда, на помощь приходил добрый внимательный отец, он не ругал, а только журил. Впрочем, любила Ира обоих родителей одинаково, они представлялись ей единым целым – надежным, теплым и родным.

Между тем страстная взаимная любовь супругов незримо шла на убыль. Из-за шкафа все реже раздавались звуки бурных эмоций и горячий шепот. Санжар стал поздно приходить домой, ссылаясь на срочные дела, которые якобы не вмещались в рабочий день, часто ездил в командировки. Лариса почувствовала неладное, но прямых доказательств измены мужа не находила. Жизнь продолжалась без потрясений, а перемены случались только приятные.

Через два года молодой, подающий надежды специалист Министерства черной металлургии Санжар Исагалиев переехал в прекрасную трехкомнатную квартиру в правительственном доме на Фрунзенской набережной. Получил он ее, конечно, не за служебное рвение, а потому, что на той же лестничной площадке поселился прибывший из Казахстана Шакен Ахметович. В 1964 году партийная верхушка отстранила-таки Хрущева от власти, и Исагалиева, как и следовало ожидать, отправили на пенсию: власти критику не прощают, хотя своих не сдают – изгнанника проводили с почетом, в соответствии с заявленным желанием определили на жительство в Москву и снабдили всеми льготами, положенными действующим чинам такого ранга.

Больше всех возвращению драгоценной мамы Раи и обожаемого Аташки радовалась Иринка. Все трое бросились друг к другу, целовались бесчисленно и долго стояли обнявшись,

пока тепло тел не согрело сердца, которые забились в унисон, словно обрели наконец свой природный ритм.

Вместе с отцом и матерью поселился непутевый средний сын Ермухан, страдавший запоями, и четверо его детей от разных жен. Здесь проводил время после детского сада одноклассник Ирины – сын старшего дяди Джанибека, пока его жена, окончив работу, не забирала мальчика домой. Ревнивая внучка уводила деда на длительные прогулки по городу. Они ходили в зоопарк, в цирк, в музеи, любопытные ко всему новому, необычному. Другие внуки часто увязывались за ними, но быстро уставали, и тогда Ира наслаждалась обществом Аташки единолично.

Просторная московская квартира старших Исагалиевых сделалась проходным двором для неисчислимых близких и дальних родственников, знакомых, а также знакомых этих знакомых из Казахстана. Иных Раушан видела впервые, но отказать соплеменникам в приюте и еде считалось дурным тоном, а Апа отличалась справедливостью и добротой. На кухне всегда кипели объемные кастрюли с бешбармаком, в узорчатых пиалах дымились наваристая сорпа, посыпанная душистой зеленью, вздуваясь, шкворчали в обильном жиру квадраты баурсака, кабырга распространяла запах чеснока и тушеной редьки, а в холодильнике мариновалась порубленная на куски утка, ожидавшая, пока ее сварят в пиве.

Дома Ира постоянно крутилась на кухне возле мамы Раи и заодно постигала секреты национальной кулинарии. Это ей было интереснее арифметических задачек и упражнений по русскому языку. Другие дети предпочитали играть в комнатах, оставляя бабушку в безраздельном владении любимой внучки, чему обе только радовались.

– Ты мое солнышко, айналаин! – повторяла Раушан, сжимая в объятиях сильно подросшую девочку. – Высокая будешь и какая красивая! Волосы наши, густые, как покрывало!

– Мама, я так тебя люблю! – говорила Иришка, повисая на крепкой шее бабушки. – И буду любить до самой смерти!

– Ладно, ладно. Что такое болтаешь? Мы еще поживем!

Это были последние безоблачные дни детства, которое кончилось для Ирины слишком рано. Когда ей было десять, родители разошлись.

3

Санжар – человек интеллекта выше среднего, характера твердого, потому решения, тем более важные, продумывал тщательно. Пылкая юношеская любовь к красивой девушке, старше его на несколько лет, так и не перешла в ровное супружеское чувство. Он понимал, почему, и своей вины в том не усматривал. Справедливости ради, засчитал в пользу Ларисы одно очко: в роду Исагалиевых все мужчины женились не менее двух раз, единственной женщины им было мало. Многовековые обычаи крепко впитались в кровь, вросли в память и уходят не так быстро, как меняется общественный строй.

Нынешняя избранница Ольга, которая ему, тридцатилетнему, пришлось по нраву, работала в том же министерстве экономистом, жила в коммуналке с пятилетней дочерью и никогда не была замужем. Однако Санжар знал четко, что именно эта женщина ему нужна, и собирался создать с ней новую семью. Одно тревожило – он любил Иришку, а девочке положено оставаться с матерью. Оля мягкая, разумная, во всем с ним согласная, не станет препятствовать общению с родной дочерью, только поймет ли и простит ли отца десятилетний ребенок? Но и дальше изображать видимость ушедшего согласия и благополучия ему претило. Надо кончать эту канитель. На днях он объявит о своем решении. Лариса развод даст беспрепятственно – гордость в ней сильнее рассудка. Взбалмошная, но ранимая, и никогда не покажет, что больно.

Санжару стало ее жаль – ведь когда-то они были очень счастливы, и Лариса все еще любит его, это он знал. Не знал другого: жена уже провела о новой пассии мужа, даже ходила на нее посмотреть да не смогла взять в толк, чем же эта лучше? По всем статьям не выдерживает сравнения! В обманутой душе любовь переплавлялась в злую обиду – зачем ей случилось полюбить коварного восточного мужчину? Но он ошибается, если думает, что победа на его стороне. Брошенной женщиной она не будет никогда!

Лариса перебрала в уме всех своих поклонников, взвешивая их достоинства и недостатки на весах женского опыта, и однозначно остановилась на Ленечке, тем более он ей нравился, они даже целовались несколько раз. Талантливый, непьющий, трудолюбивый, неплохо зарабатывающий. Со всеми-то он знаком, и с ним все в хороших отношениях. Умелец доставать и комбинировать, везде находить выгоду. Спокойный, ничем не примечательный внешне, живет с мамой, женат не был, готов целовать подошвы ее туфель и беспрекословно подчиняться прихотям. К сожалению, еврей. В нашем отечестве любая другая национальность предпочтительнее, но личное и общественное не всегда совпадают. Так. Значит, это будет он, Леонид Григорьевич Ривкин. Лариса позвонила и велела ему прийти.

– Ларочка, а не поздно? Уже десятый час. Что скажет твой муж?

– А вот мы и послушаем. И захвати, пожалуйста, пижаму.

– У меня нет. Только халат.

– Ну, тогда халат. Пижаму купим потом. Я жду.

Журналист понял, что назревает скандал, в эпицентре которого ему суждено оказаться, но увильнуть не посмел.

Санжар вернулся домой поздно. Открыв дверь своим ключом, он прежде всего увидел в коридоре огромный чемодан, привезенный еще из Темиртау. В кухне мирно, как два голубка, пили чай с пирожными Лариса и незнакомый мелкий брюнет в банном халате. Иришка не спала, сидела рядом с матерью, крепко обхватив ее руками за талию.

– Ах, наконец, – сказала Лариса мужу почти нежно. – Мы не ложимся, ждем тебя. Дело в том, что я подаю на развод. Считаю непорядочным обманывать тебя дальше: познакомься – Леня, мой любовник.

Халат дернулся, чернявый приоткрыл было рот, но Лариса посмотрела на него укоризненно, и он замер. Санжар вынужден был признаться, что недооценил сметку супруги. Осталось возмутиться:

– Без стыда, при ребенке!

– Чья бы корова мычала, – спокойно откликнулась Лариса. – А ребенок все равно ничего не понимает.

Ира действительно не понимала. Она всегда видела, как родители любят друг друга, и вдруг ее теплый мир рушился по неизвестной причине.

– Папа, – голосок у дочери дрожал, – это правда, что у тебя есть другая дочь и ты меня больше не любишь?

Брошенный муж скрипнул зубами: и тут успела! Ответил, пристально глядя в лихорадочно блестящие глаза ребенка:

– Я тебя люблю и буду любить всегда. Запомни. Вот мой телефон. – Он вырвал листок из записной книжки. – Я всегда готов прийти тебе на помощь.

Девочка бросилась к отцу. Она долго сдерживалась и теперь плакала навзрыд.

– Папа, не уходи! Мне не нравится этот чужой дядька! Остайся!

Он поднял дочь на руки – легкая, как перышко синей птицы. Беззащитная. Детские слезы капали ему на лицо.

– Тихо, тихо, – властно произнес Санжар. – Сейчас я не могу, но мы скоро увидимся.

Он с трудом оторвал от себя детские руки и, подхватив чемодан с вещами, шагнул за дверь к новым семейным радостям.

В ту ночь Ира долго не спала. Она тяжело переживала свою первую катастрофу, которая, возможно, дала толчок всем последующим. Мир ее семьи, дом ее родителей рухнули в одночасье, и девочка больше не чувствовала себя защищенной и счастливой. Она любила маму и любила папу, но мама и папа больше не любили друг друга, и теперь ей придется жить с этим противным отчимом. Равновесие нарушилось. Почему никто не спросил, сможет ли она это вынести? Бессильная что-либо изменить, Ира только плакала. Картины, одна печальнее другой, теснились в пылающем воображении. К тому времени она уже прочла «Гамлета», и ей мерещилось, как в ухо спящего мамино мужа скатываются шарики ртути, давно собранной из разбитых градусников, а затем она сама выпивает остальное и умирает. В гробу тесно, и цветы белые, а не красные, как ей хотелось бы, к тому же они сильно пахнут, и она начинает задыхаться. Мама с папой плачут, обнимаются и целуются, а это самое главное. Однако ощущение несчастья почему-то не проходило.

В школе Ира ничего не сказала даже лучшей подруге, смеялась и озорничала по-прежнему, только с тех пор ее начали мучить приступы астмы. Мама водила девочку по врачам, которые, так и не найдя причины, сказали стандартную фразу, скрывающую бессилие медицины: на нервной почве. «Однако! – удивилась Лариса. – Какие нервы у десятилетнего ребенка?» Она всегда подозревала, что советские эскулапы – беспомощны, поэтому уже несколько раз ездила лечить воспаление желчного пузыря на воды в Чехословакию – сын Исагалиева легко доставал путевки. Но в данной ситуации она могла лишь купить дочери специальный аэрозоль, чтобы купировать приступы удушья.

Все это было ужасно некстати, поскольку Лариса занялась разменом жилплощади, а дело это требует времени и нервов. Санжар соглашался на любой вариант, и ей удалось за огромную престижную квартиру получить для себя небольшую трехкомнатную, на любимом Арбате. Дом дореволюционный, переживший перепланировку. В туалет можно было попасть только через треугольную ванную, имелись спальня с половиной окна, гостиная – с другой половинкой, где спала дочь, и кабинет, в котором неутомимый Леня день и ночь выстукивал на машинке свои статьи. Ларису квартира устраивала, Иришку нет – до мамы Раи и Аташки далеко, – но ее никто не спрашивал. Санжару в результате обмена досталась

комната в коммуналке. Он присоединил к комнате жены и получил малогабаритную однокомнатную квартиру в спальном районе. Как только новая семья отца обустроилась, Ира решила перебраться к ним жить. Мама ее предала и больше не любит, чужой дядька ходит за мамой по пятам, обнимает и целует. Смотреть на них тошно.

Девочка тайком положила в портфель ночную рубашку и после школы поехала на метро в Черемушки. Ее встретили хорошо, но без восторгов: в комнате негде повернуться, а у беременной папиной жены своих дел хватало по горло. На ночь Ире поставили раскладушку в кухне, возле холодильника, в котором все время урчало, как в голодном животе, а выключаясь, он подпрыгивал, словно в лихорадке, и будил Иру. Впрочем, она и так почти не спала, все думала. Утром, поев на завтрак манной каши, категорически отвергаемой дома, сказала «большое спасибо» и отправилась в школу, а оттуда обратно к маме. Санжар предупредил Ларису по телефону, и та сделала вид, что ничего особенного не случилось, хотя тоже не спала ночь, замучив Леню вопросами, на которые он не знал ответа.

С тех пор Ирина появлялась в Черемушках изредка и ночевать не оставалась. Поговорит на кухне с папой, поиграет с новорожденным сводным братцем – и домой. Мама не запрещала, но и не одобряла этих посещений, ворчала:

– Почему ты тянешься к мужчине, поверяешь ему свои тайны? Для этого есть мать.

Впрочем, Лариса старалась подавить обиду. Она осталась без любимого мужа, а Ира без отца, и боль потери их сблизила. Лариса почувствовала если не ответственность, то несколько запоздалую, но уже вполне созревшую любовь к дочери.

А вот Леня заявлял жене открыто:

– Девочка отбирает у меня твое внимание и любовь.

– Подумай, что ты несешь? Сразу видно, что у тебя никогда не было детей!

– Роди, я не возражаю.

– Еще чего! С одной бы разобраться. Учится плохо, шалит, допоздна гоняет с друзьями по дворам. Хотя, возможно, потому и уход отца пережила легко – я опасалась, она станет закрытой, подавленной. Обошлось.

Лариса глубоко заблуждалась. После развода родителей Ирина так и не обрела душевного равновесия и существовала как бы в двух ипостасях. Одна – внешняя, которую видели все, и другая, сокровенная, скрытая глубоко в сердце. Эта двойственность сохранится на всю жизнь и станет причиной неустойчивости настроения, неожиданных переходов от радости к тоске, от восторга к сомнениям. Общительная и жизнерадостная днем, Ира тайком плакала по ночам, по-прежнему носила в портфеле пузырек с ртутью и хотела умереть. Учиться стала еще хуже. В дневнике теперь стояли одни двойки. Папа помочь не мог, Лене – так фамильярно Ира обращалась к отчиму, отказавшись называть его «дядей», – совать нос в свои дела она не позволяла. Не желая огорчать маму, девочка завела второй, ложный, дневник для дома, а в настоящем виртуозно подделывала мамину подпись. Учительница неоднократно вызывала родителей в школу, но Ира говорила, что мама болеет, а папа уехал за границу. Многочисленные открытки, которые приходили от директора, она выбрасывала, научившись открывать замок почтового ящика булавкой. В конце концов классный руководитель понял, что если Исагалиева не исправится, то останется на второй год, и сам отправился домой к нерадивой ученице. Обман раскрылся.

Лариса была настолько поражена и убита, что даже не ругалась, журналист пытался возмущаться и что-то произнес насчет «ремня», но она велела ему заткнуться, а Ира, не зная, куда деться от стыда, пошла в ванную резать себе вены. Увидев окровавленную дочь, Лариса взвыла и хотела вызвать «скорую», но Леня закричал страшным голосом, что «эта зловредная девчонка хочет его посадить за решетку» и вlepил падчерице увесистую пощечину. Взбешенная супруга отхлестала нового мужа по мордасам, обозвала ничтожеством и

отправила спать в кабинет. Он понял, что теперь ему предстоит долго и усердно замаливать свою вину.

Лариса перебинтовала дочери тонкие запястья, обе долго покаянно плакали, чувствуя невыразимую нежность и обещая больше никогда не огорчать друг друга.

– Когда я вырасту, а Леня сделается старым и больным, я стану за ним ухаживать, чтобы он понял, как был не прав, – сказала Иришка.

Они уснули под утро, обнявшись, в одной постели – девочка с забинтованными руками и ее потрясенная мать.

На следующее утро Лариса отвезла дочь к старшим Исагалиевым – пусть поживет некоторое время, успокоится. Между тем мама Рая и Аташка, узнав, что произошло, искренне смеялись.

– Выбрось, айналаин, все глупости из головы – и свои, и чужие, – сказала мудрая Раушан Иришке, сидевшей на коленях у деда. – Это еще не горе. Это совсем даже не горе, а забавный случай. Из-за такой ерунды жизнь не кончается. Родители разошлись – это печально, но тоже не конец света, ведь они – живы, и ты не одинока.

Старики просили отдать им внучку насовсем, но Лариса воспротивилась, да и сама Ира, соскучившись по маме, как прежде скучала по бабушке, через неделю пожелала вернуться домой. Теперь она убедилась, что мама ее любит. С тех пор жизнь арбатской семьи как будто вошла в нормальную колею и стала похожа на тысячи других жизней, где на поверхности не происходит никаких бурь, а о подводных течениях стараются друг с другом не говорить. Мать и дочь вместе ходили по магазинам и в гости, обсуждали текущие события, Ира подтянулась по всем предметам до крепкой тройки и даже великодушно простила отчима. В школе она по-прежнему оставалась заводилой, и полкласса после уроков толкалось у нее дома, а детский смех разносился по всей квартире. Леня, которому Лариса строго-настрого запретила корректировать поведение своей дочери, работал у себя в кабинете, затыкая уши ватой. Но то была его личная проблема.

Неожиданно, а возможно, вполне закономерно, отец Иришки получил направление на работу в советское торгпредство в Австрии: Саржан отлично владел немецким и был прекрасным экспертом по сталелитейной продукции. Перед ним открывались заманчивые перспективы, но особенно радовалась Ольга. Ей, замученной бытовыми неудобствами, предстояло несколько лет жить по европейским стандартам, а после заграничной командировки они смогут купить просторную кооперативную квартиру. Уезжали всей семьей в спальном вагоне скорого поезда Москва – Вена. Лариса, естественно, на вокзал не пошла, родители простились с сыном дома, а Иришка до последней минуты держала отца за руку, которую время от времени целовала. Саржан был растроган:

– Я буду писать.

– Я тоже! – крикнула девочка. – И пришли мне красивое платье! И лаковые туфли!

– Обязательно! Помни, что я люблю тебя.

Он крепко поцеловал дочь и шагнул с платформы на подножку, не предполагая, что в этой жизни они встретятся еще только раз, на коротке, когда он придет на похороны отца.

Случилось это, когда Ирине было семнадцать лет.

Шакен Ахметович пролежал с инфарктом в отдельной палате Кремлевской больницы целый месяц и чувствовал себя уже вполне прилично: ходил по коридору, даже спускался на лифте в сад, где под присмотром медсестры гулял между клумбами по асфальтированным дорожкам. Июнь радовал теплом и сухой погодой, воробьи громко ссорились, тюльпаны цвели, а сирень наливалась томительным запахом.

Настроение у пациента было хорошим. Сегодня после обеда приедет Рая с Иришкой, чтобы на служебной машине отвезти его домой. У жены болят ноги, а внучка появлялась почти каждый день. Рассказывала о школьных экзаменах, о подружках, читала письма отца

из Вены, на вопросы о семье отвечала весело: «Все просто замечательно!» Недавно Ира получила паспорт. Когда ее спросили про национальность, созорничала: «Мама у меня русская, отец еврей, а я казашка». Так казашкой себя и записала. Шакен не мог налюбоваться внучкой: вымахала под метр восемьдесят и уже оформилась – высокая грудь, крутые бедра и осиная талия. Шикарные волосы, густые и тяжелые, какие бывают только у восточных женщин, ложились красивой волной, глаза темные – зрачков не видно, брови круглые, словно нарисованные, а обольстительная улыбка не сходит с лица. Проказница, как в детстве, но прохожие уже оборачиваются вслед, и близок день, когда не одно мужское сердце будет разбито. Саржан хороший отец – не забывает свой долг, шлет посылки, одевает дочь красиво. Она того стоит.

Не далее, как вчера, Шакен спросил:

– За тобой мальчики ухаживают?

Она засмеялась открыто, заливисто:

– Не волнуйся, Аташка, из всех мужчин я люблю только папу и тебя. Если бы можно было отдать тебе свое сердце, я бы с радостью отдала. Да оно и так твое!

Он сжал ее маленькие крепкие пальцы:

– Оставь себе – скоро самой понадобится.

Ну вот, наконец появились его дорогие женщины с огромным букетом красных роз – Иришка постаралась, это ее любимые цветы. «А я всегда дарил жене незабудки. Ах, как хочется домой!» – с непонятной печалью подумал выздоравливающий Исагалиев.

Объятия, поцелуи. Рая что-то рассказывала про Ермухана, который повел своих детей в театр, Ира складывала в «дипломат» бритвенные принадлежности деда. Шакен снял ненавистную больничную пижаму и сидел за столом в брюках, голубой батистовой сорочке и при галстук. Пиджак висел на стуле и ботинки стояли рядом – еще обед принесут. Только есть почему-то не хотелось.

– Я пока прилягу, – сказал он.

Лег на кровать поверх одеяла, закрыл глаза и умер.

На Кунцевском кладбище собралась, наверное, вся казахская диаспора Москвы – Исагалиева не только знали, что понятно, но искренне любили, а такое с большими начальниками случается не часто. Произносили речи – официальные и дружеские, длинные и короткие, на русском и казахском языках. Раушан грузно сидела на стуле в головах открытого гроба, стараясь навсегда запечатлеть в своем сердце последний скорбный портрет любимого мужа. Слез уже не было, была невыносимая тоска.

Рядом стояли сыновья, как полагается по старшинству: ближе к матери Джанибек с женой Галиной, потом Ермухан со старшей дочерью и Саржан с Ларисой – Ольга осталась в Вене. Внуки заняли место позади родителей, напротив – официальная делегация и люди с красными атласными подушечками, на которых лежали многочисленные награды Шакена. А там, дальше, – калейдоскоп лиц, грустных и любопытных. И венки, венки. Цветы, цветы. «Зачем ему теперь цветы? – подумала Раушан. – Суета. Скорее бы все закончилось. Сердце болит и ног не чувствую».

– Дать валидол, Раушан Касымовна? – наклонившись к свекрови, спросила внимательная Галина.

Рая тяжело качнула головой, не имея сил говорить. В это время Иринка обняла родителей сзади за шею и, когда три черные головы сблизились, прошептала:

– Я так вас люблю! Что же вы наделали?!

Раушан внезапно сказала как бы про себя, но внятно, и старшая невестка услышала знакомые властные интонации:

– Дура келин! Скоро перебесился бы. Нетерпеливая, сиротой дочку сделала.

Ирина несколько лет не видела отца и теперь заметила, как он располнел и поседел. Его письма она хранила, словно пылкая любовница, перечитывала, изучала каждую фразу, пугаясь стандартных слов – ей стало казаться, что отец отдаляется. Но что можно сделать на расстоянии? Он присылал ей посылки, выполнял просьбы, но однажды упрекнул в меркантильности. Ира переживала – разве не ясно, что она любит его не за тряпки? Просто здесь ничего нельзя достать. Хотелось поговорить, но не получилось: на поминках Ирина была на кухне, готовила вместе с другими женщинами бесконечные казахские кушанья. Во всех комнатах стояли длинные столы, одни люди уходили, другие приходили, где-то в глубине дедушкиного кабинета отдельно, за маленьким столиком, тихо потчевали муллу. Саржан на всякий случай держался подальше от Ларисы, сидел рядом с матерью и уехал на аэродром раньше, чем разошлись гости. Забежал поцеловать дочь. Ира ответно чмокнула его в щеку и весело помахала перепачканными тестом руками:

– Пиши!

– Хорошо, – кивнул он и ушел.

Теперь уже навсегда. Больше они не увидятся.

«Он забыл сказать, что любит меня», – подумала Ира и начала задыхаться.

Ингалятор остался в кармане куртки. Она прошла в коридор, натужно свистя бронхами, раскопала среди чужой одежды свою и вдохнула спасительное лекарство. Потом долго сидела под вешалкой и плакала, в суматохе забытая всеми. Плакала о том, что больше нет Аташки.

4

Сорок лет – коварный возраст для женщины. До зуда хочется изведать все, что не успелось, потому что еще совсем немного – и станет поздно, а жизнь-то одна, повтора не будет! Пограничные годы давят на подсознание, и даже самые уравновешенные дамы поступают непредсказуемо.

В Ларису словно бес вселился. Многие известные, а то и знаменитые поэты, писатели, художники ходили у нее в поклонниках, друзьях и приятелях, нашлись и враги – их жены. Она резвилась в кафе и ресторанах, пила, курила, ругалась матом, ездила на лучшие курорты, заводила интрижки, являлась домой за полночь и спала до полудня, потом шла на работу, как ходят в гости. Но Лариса правильно выбрала мужа. Леня был ей надеждой и опорой, а главное, защитой от себя самой, когда эмоции выплескивались бесконтрольно. Он терпеливо ждал, пока жена, пережив очередное разочарование, будет искать утешения у него на груди. Еще лет десять, и она утихомирится. Он ревновал безумно, но любил сильнее.

Дочь снова оказалась вне круга интересов матери, однако, когда Ирина перешла в десятый класс, Лариса спохватилась – пора выбирать вуз. В среде интеллигенции, к которой она себя относилась, дети обязательно получали высшее образование. Так, неожиданно ее энергия переключилась на бедную девушку, которая не чувствовала призвания ни к одной профессии. Правда, нынешним летом в Тарусе, на даче, которую Леонид Григорьевич удачно приобрел у родственников великой поэтессы Цветаевой, Ирина вдруг пристрастилась к рисованию. Вначале просто искала предлог, чтобы надолго уйти с папкой ватмана из дома, подальше от нелюбимого, хоть и прощенного отчима, потом увлеклась – ее завораживали краски. Пробовала то акварель, то гуашь. Писала натюрморты, пейзажи, но все какие-то незаконченные, недодуманные, больше похожие на смазанные беглые наброски. Пыталась что-то понять в себе. Сидела на песчаном берегу Оки и наблюдала за изменчивой водой, лежала в высокой траве, разглядывая тающие в небе облака, а потом, не сверяясь с природой, переносила на бумагу то, что запечатлелось в душе, искала цветное выражение своих ощущений. Так увлекалась, что забывала возвращаться к обеду, и сердилась, когда к ней приставали.

– Отвяжись от меня со своей курицей, – говорила она матери. – Пусть Леня ест, он любит.

Вечером делала себе бутерброд и аппетитно уплетала его, лежа с книгой в летней тишине своей светелки. Застав дочь за чтением «Бесов», Лариса спросила с сомнением:

– Не рано ли?

Дочь ответила:

– Мне интересно, значит, не рано. А ты сама читала?

Лариса мудро решила, что быть уличенной во лжи хуже, чем в незнании литературы, а потому честно призналась:

– Нет. Но я слышала – «Бесы» сложный и неоднозначный роман, по его поводу до сих пор идут споры.

– Вот и прекрасно, теперь я буду иметь собственное мнение.

– Ладно, – сказала побежденная воспитательница, – только не читай по ночам.

– Хорошо, мамулечка, – успокоила дочь и не выключала свет до утра.

Достоевский с восьмого класса был любимым писателем Ирины. Ее увлекали переживания, похожие на собственные, сложные характеры, бешеные страсти, поиск истины. Из его романов она впервые узнала о Боге и вере, о существовании Библии. Это оказалось намного интереснее, чем умереть, наглотавшись ртути. Бог дал каждому жизнь и место в этом прекрасном мире. Один раз! Этот дар надо ценить и спрашивать себя: для чего ты рожден и что

хорошего сделал? Надо верить в себя и в Бога, любить людей и делать добро, особенно когда трудно. Разделить с каждым, что отпущено свыше. Тогда проживешь жизнь не зря.

Осенью состоялся семейный совет: куда будем поступать после школы? Уже теперь надо определиться, найти репетиторов и начать готовиться. Лариса носила акварели дочери к себе в редакцию, и один молодой художник сказал, что в Училище 1905 года, тем более в Суриковском институте Ире ничего не светит, но можно позаниматься пару-тройку лет по специальности и попробовать попасть в Полиграфический на факультет оформления печатных изданий.

С менталитетом удачницы и природной напористостью Ларису ни «несколько лет», ни «пробы» не устраивали. Она привыкла все делать наверняка – поехала в институт и показала там акварели Ирины, как оказалось, типичному представителю школы социалистического реализма. Он посмеялся: «Детский лепет на лужайке».

Не на ту напал: Лариса не поверила и рук не опустила. Перетряхнув знакомых, она достала адрес известного педагога и признанного мастера Леонова. Не откладывая решение проблемы в долгий ящик, поехала к нему домой с букетом цветов и огромной коробкой шоколадных конфет. Была неотразимо очаровательна и просила только об одном – за вознаграждение позаниматься с дочерью, чтобы та могла в следующем году поступить к нему на курс в Полиграф.

– Уважаемая Лариса Марковна, – вежливо сказал Леонов, принимая подарки как нечто само собой разумеющееся. – От меня многое зависит, но не все. Главное – есть ли у вашей дочери талант. Если есть, тогда будем разговаривать, и то, я ничего не обещаю скоро. Мои ученики, в зависимости от способностей, готовятся кто три года, кто пять, прежде чем поступить. При этом они все вышли из художественных школ или училищ, а у вашей девочки вообще нет навыка. Ее акварели достаточно беспомощны, по ним нельзя сделать ответственное заключение. У меня сегодня ученики будут живописать обнаженную натуру. Пусть ваша дочь придет, поработает с нами, тогда я смогу сказать что-то определенное.

Леонов – светило. Лариса расстроилась. Надо бы поискать для Иры другую профессию, но какую, когда у нее ни к чему нет способностей? Ладно, пускай сходит, нарисует голую бабу – все равно терять нечего.

Девушку снабдили холстом, палитрой, масляными красками, кистями и отправили на экзамен. Все это она держала в руках впервые, однако чувствовала себя уверенно. Это была авантюра – вроде взрослой шалости, но так даже интереснее. Она загорелась.

Во время экзамена Леонов ходил по большой зале с огромными окнами и наблюдал за работой абитуриентов. На одни полотна глядел мельком, другие рассматривал более внимательно, за спиной Ирины задержался дольше других, но ничего не сказал, да она и не знала, кто это такой. Когда дома мама, две мамыны приятельницы и отчим увидели результат ее четырехчасового труда, то чуть не упали в обморок. На полотне была изображена не конкретная женщина-натурщица, а какой-то обобщенный образ без лица, с большими сиськами и толстыми ляжками, невообразимые сочетания красок резали глаза. Как ни странно, Ирина осталась своей работой довольна:

– Мам, я впервые писала маслом, и мне так понравилось!

Лариса не знала – плакать или смеяться, ясно одно – полный провал. Раздался телефонный звонок – это Леонов. Конфеты дорогие, потому счел нужным уведомить ее непосредственно. Воспитанный человек. Ужасно неловко.

– Извините за беспокойство, – произнесла Лариса убитым голосом. – Я уже все поняла. Мы не подходим.

– Нет, – сказал Леонов. – Вы ничего не поняли. У вашей дочери талант, и я ее беру, буду заниматься отдельно. Таким даром надо правильно распорядиться. Времени мало, и работать придется много: наймите педагогов по другим дисциплинам, по композиции, по шриф-

там, они, знаете, не каждому даются. И еще учтите – аттестат должен быть очень хороший, при поступлении засчитывается средний школьный балл, а конкурс двадцать пять человек на место.

Лариса поблагодарила, повесила трубку и задумалась: главное сделано, неужели она не осилит остального? Первое – заявить в школе, что Ирина больше не будет ходить на занятия. Второе – заполучить в институте самых лучших педагогов по всем специальным предметам, причем желательно тех, кто принимает экзамены, пусть Ира обучается до следующей осени. Третье, и последнее: подключив Раушан, через год отправить дочь к родственникам в Алма-Ату – там можно устроить, чтобы девочка закончила десятилетку с отличными оценками.

Теперь многое зависело от самой Ирины, ей это нравилось, и она старалась, как могла, забыв о друзьях и отдыхе. Даже преподаватель-шрифтовик, въедливая и требовательная старая дева, удивилась: сделать такие успехи за короткий срок – большая редкость. После года напряженных занятий по специальности в Алма-Ате внучка Исагалиева не очень себя утруждала, однако связи на высшем уровне сделали свое дело: она привезла не только прекрасный аттестат, но даже направление от Казахстана, и в Полиграфический институт поступила. Лариса Марковна вздохнула с облегчением – путь дочери в большую жизнь она подготовила собственноручно. Вряд ли ее родной отец, с его международными контактами, мог бы сделать больше!

Ирина до последнего момента не верила, что пройдет отбор, и бурно переживала свой первый успех, не слишком вдаваясь в его технологию. На следующий день она восторженно написала отцу в Вену:

Любимый мой папка!

Представляешь – твоя дочь студентка! Мне самой не верится. Поступление стоило маме много денег и здоровья, теперь трудиться предстоит мне – дополнительно брать уроки у двух художников, чтобы догнать свой курс. Надеюсь, удастся – все говорят, что я очень способная. В нашей группе сорок человек, и все рисуют здорово, так как уже учились в среднем лет шесть, а я – нисколько, вот так! Девочки Леонова, с которыми я знакома, тоже поступили, и мы будем продолжать у него заниматься. Для работы мне срочно нужна голландская гуашь – полный набор в шестьдесят цветов, кисти колонковые круглые с № 1 по № 6, кисти китайские и голландские плоские №№ 11 и 12, немецкая и японская тушь, два французских угольника со скосом. У всех студентов это есть, но не представляю, где они достают.

Папка, я по тебе очень соскучилась. Отношения у нас какие-то скомканные, на поминках так и не удалось поговорить. Мы столько лет не виделись, разлука углубляет пропасть между нами, а мне хочется всегда чувствовать тебя рядом и чтобы мне уделялось больше внимания. Меня сильно задело, что ты не позвонил мне, не узнал, как я сдала экзамены, а только прислал фломастеры. В последнем письме ты обвиняешь меня в меркантильности, но я не виновата, что здесь ничего нельзя купить, поэтому в том, что ты мне присылаешь, как раз и проявляется твое отношение ко мне.

Вижу, что меняюсь не только я, но и ты, и хочу понять моего нового папку. Знай, я очень тебя люблю и жду от тебя того же. Я давно не писала – шли экзамены, было некогда. Теперь, если тебе интересно, буду писать обо всем подробно. Пап, пришли мне фен для волос. Передай привет жене и поцелуй за меня детишек.

Целую тебя много, много раз. Ирина.

На факультете оформления печатных изданий спектр учебных дисциплин был действительно велик. Преподавались основы изобразительной грамоты, всего понемногу – рисунок, письмо акварелью, гуашью, темперой, маслом, написание шрифтов. Книжные графические работы, предназначенные для оформления или иллюстрирования печатной продукции, вообще очень разнообразны. Искусство графики включает: рисунок, гравюру, в том числе литографию и ксилографию, причем гравюра требует очень жесткого рисунка и твердой руки, ведь исправить ничего нельзя. Еще фотография, которую нужно перевести в графику, фотоиллюстрации, коллажи. У Ирины, не имевшей за плечами опыта других студентов, голова шла кругом, но разбираться в теории и истории искусства помогала редкая начитанность, а на практических занятиях она старалась, как никогда, впервые в жизни почувствовав свободу и личную ответственность. Это вдохновляло, хотя оценки оставались посредственными, и в этом нет ничего удивительного, ей еще многое предстояло усвоить из того, что проходят в художественных школах.

Работали в реалистической манере. Ходили на этюды в сады и парки, писали в мастерской натюрморты, фигуры, отдельные части тела, учились передавать объем цветом, обходясь без черной краски, компоновать группы. Ирина обладала врожденным чувством композиции, что так важно для оформительских работ, и тут у нее проблем не было, она получила «пятерку» за иллюстрации к своим любимым «Бесам». А вот рисунок, к сожалению, хромал, возможно потому, что в основе не было крепкого начального классического образования. Зато цвет она чувствовала очень сильно и применяла смело. Многим преподавателям такая инициатива не нравилась. В традиционном советском искусстве яркие, тем более кричащие, цвета не приветствовались, считались «не нашими», как и вообще любой авангард. Из-за этого по живописи Ирина нередко получала «тройки». Как-то на занятиях ей сделал замечание педагог, которого она не слишком ценила:

- Ты невнимательна. Так ничему не научишься.
- Разве можно научить искусству?
- Тогда что ты тут делаешь?
- Набиваю руку, чтобы получить диплом о высшем образовании.
- Мне не нравится твой цинизм.

– Это не цинизм, а прагматизм. Если следовать словам Голубкиной¹⁶, то изучение предназначено для того, чтобы овладеть своими силами, и из этого многое придется выбросить, так же, как выбрасываются учебники. Вот и я беру то, что берется. Остальное – не мое и мне никогда не пригодится.

Педагог вспыхнул:

– Голубкина не авторитет, она отклонялась от соцреализма. Этот безыдейный козырек над парадным крыльцом МХАТа вообще ни на что не похож!

– В этом-то и есть самое главное. Коро¹⁷ считал, что лучше быть нищим, чем эхом живописи других. Может, он для вас авторитет, хотя бы потому, что иностранец?

Ирина не любила, когда ей что-то навязывали, но требования педагогов обычно выполняла. Зато, если давалось свободное задание, никогда не копировала натуру. Ее эскизы отличались от работ других студентов своеобразием композиции и цвета. А вообще она всегда была человеком настроения или, как сама говорила, вдохновения: то запоем рисовала, то неделями не притрагивалась к кистям. Правда, так случалось уже позже, на старших курсах, где студент может позволить себе нечто подобное. В первые два семестра Ирина оказалась

¹⁶ Голубкина В.А. (1899—1948) – известный русский скульптор нетрадиционного направления, склонна к символике в стиле модерн.

¹⁷ Коро, Камиль (1796—1875) – живописец, один из основателей французской пейзажной школы.

загружена настолько, что времени оставалось только на короткий сон. Но все же и на этом этапе для нее важнейшей потребностью было общение со сверстниками.

Ей нравилось, что так много народу примерно одного возраста объединены одной целью в одном месте. Жизнерадостная, оптимистичная, добрая, она излучала приветливость и обаяние, и к ней тянулись. Она была равна со всеми, но двух настоящих подруг приобрела – Наташу черненькую и Наташу беленькую. Обе скромные, трудолюбивые и веселые, а главное – верные. Они рядом сидели на занятиях в аудитории, по очереди записывали лекции в одну тетрадь, вместе ходили на этюды, в перерывах совали друг другу домашние бутерброды. Вокруг них лепились еще пара девочек и два-три мальчика. Всей компанией по выходным ездили в Серебряный Бор купаться, проказничали и хохмили, причем первенство принадлежало Ирине. Как-то на спор она взялась без единой копейки в кармане добраться до дачи одной из подружек в Валентиновке. Каково же было изумление, когда Ира оказалась на месте раньше тех, кто уехал на автобусе! Что ж тут удивительного? Стройная высокая девушка, очень броской внешности, с необычайно нежной, бархатистой, как персик, кожей, под весенним солнцем мгновенно покрывавшейся легким загаром, с естественным румянцем и открытой улыбкой на сочных губах. Редкий мужчина мог устоять перед таким очарованием.

Студенчество как образ жизни выглядел в глазах Ирины привлекательно еще и потому, что дома обстановка оставалась напряженной. Удачно пристроив дочь, мать вернулась к заботам о собственной персоне и веселой жизни в кругу друзей, а Леня, безуспешно ожидавшийся, когда же супруга утихомирится, сделался желчным и неуживчивым. Он постоянно ворчал, что Ирина, которая с детства была неряхой и разбрасывала предметы своего туалета по всей квартире, теперь еще заполонила весь дом рулонами ватмана, раскрашенными холстами, выжатыми тюбиками краски. В кабинете отчима теперь стоял мольберт, валялась несчищенная палитра и воняло разбавителем. Леня сердился еще сильнее оттого, что жену беспорядок мало волновал. «Слава богу, – рассуждала Лариса, – будущее дочери определено. Ириша получит красивую интеллигентную специальность, а уж в издательство после института я ее устрою. О приличном муже при такой красоте тоже нет причин беспокоиться».

На факультете, как во всех гуманитарных вузах, училось намного больше девочек, чем мальчиков, большинство из которых были совсем юными. На их фоне выделялся Сергей Филиппов, сын признанного мастера книжной иллюстрации. Парень уже отслужил в армии и, несмотря на отцовские связи, три года подряд безуспешно пытался поступить в Полиграфический институт. Филиппов-старший сам вышел из школы знаменитого Фаворского¹⁸ и сыну дал начальное классическое среднее образование, но, зная его ограниченные возможности, обучил торцовой гравюре на дереве, как наименее сложной. Однако без вузовского диплома в кармане сделать карьеру невозможно. И вот наконец, в 23 года, Сергей стал студентом. Интересный, модно одетый блондин, крупный и от этого даже чуть косолапый, но не увалень: в уходе за девицами проявлял неукротимую энергию в силу не только возраста, но и темперамента. Вокруг него всегда вертелись шустрые претендентки на мужское внимание, и он постоянно влюблялся то в одну, то в другую. Никто не успел ничего особенного заметить, как вдруг стало известно о его помолвке с Ириной. Теперь этих двоих видели только вместе, счастливых и веселых. Пара выглядела удивительно гармонично – очень русский по складу, слегка полноватый светловолосый жених и тонюсенькая, с раскосыми глазами брюнетка.

Мама Рая проникновенно взглянула на избранника внучки и выбор одобрила.

---

¹⁸ Фаворский В.А. (1886—1964) – русский график, живописец, монументалист, создатель отеч. ксилографии (гравюры на дереве).

– Он любит тебя, айналайн. Держись за него и никогда не оставляй.

Наташа беленькая обиделась, что подруга скрытничала и такую сенсационную новость пришлось узнавать вместе со всеми. Наташа черненькая, более вдумчивая и наблюдательная, спросила:

– Не рано ли идти замуж в девятнадцать лет за первого мальчика, в которого влюбилась? Конечно, по виду – не без опыта, из состоятельной семьи, но тоже всего лишь первокурсник.

Ира ответила коротко:

– Так будет лучше для всех.

Она никому не призналась, что испытывает к Сергею не любовь, а лишь симпатию, но это единственный способ уйти из дома и стать самостоятельной.

Наташа поняла, что тема закрыта. Подруги откровенно, в деталях, обсуждали любые вопросы, в том числе интимные, но, если дело касалось семейных неприятностей, Ира замыкалась и лишь улыбалась – все хорошо! Она всегда выносила на люди свой светлый образ, тем сильнее в тени ее разъедала ржавчина печали.

Через месяц Сергей и Ирина поженились. Свадьба была пышной – родственники с обеих сторон считали ниже своего достоинства уступить друг другу в щедрости, хотя Лариса считала, что дочь поспешила – могла найти кого и получше. Правда, за спиной у жениха богатый папаша и жить Ирина уйдет к мужу, что немаловажно.

Валентин Васильевич Филиппов, ксилограф, давно работал в штате крупнейшего столичного издательства. Известный график имел широкие связи, получал большие гонорары и жил на широкую ногу. Издатели, актеры, художники, писатели, среди которых многие с громкими именами, приходили к нему домой без приглашения и оставались на обед, который мог длиться до бесконечности, потому что прибывали все новые и новые люди. За столом говорили о делах, о выставках и свежих именах в искусстве, спорили о направлениях и мастерстве. Напившиеся сверх меры ночевали в кабинете графика на тахте или просто на ковре, подложив под голову диванную подушку. Среди гостей всегда было много молодежи, уже вкусившей сладкого яда богемной жизни: сын популярного фантаста Женья Аронов, подвизавшийся в журналистике, сын известного кинооператора Петрицкий, увлекавшийся фотографией. Естественно, и Сергей готовился пойти по стопам своего папаша.

Отцу жениха Ирина понравилась сразу. Как натуре художественной ему прежде всего импонировала красота девушки, в которой, несомненно, присутствовало нравственное начало, усиливающее притягательность внешности. Привлекал веселый, легкий нрав. Филиппов устал от выходов неуравновешенной супруги и рассчитывал, что с приходом невестки атмосфера в доме разрядится. Но как раз жена бурно протестовала против женитьбы сына. Двадцать пять лет она успешно командовала двумя мужчинами и менять в этой расстановке сил ничего не собиралась. Нельзя допустить, чтобы ее собственностью, ее мальчиком распоряжалась какая-то соплячка!

О жене Филиппова – разговор особый. Евгения Леонтьевна, женщина интересная, пышногрудая, отличалась неудержимой тягой к красивой жизни и железной хваткой. Судьба долго ее не баловала. Родилась от неизвестного отца, мать-алкоголичка умерла, когда Женьке было четырнадцать. Школу девочка тут же бросила и устроилась уборщицей в овощной магазин, где подворовывала помаленьку себе на пропитание. Поймали, побили и выгнали. Взялась на почте разносить телеграммы и однажды постучалась в квартиру, где гуляла мужская компания. Ватага проходимцев ее изнасиловала. Поуродованная Женья долго лежала в больнице, пыталась отравиться и даже состояла на учете в психдиспансере, но потом успокоилась, затвердела и начала в этой неприветливой жизни обустраиваться с умом. Понимала, что неграмотная сирота может пробиться к хорошей жизни только через свое красивое тело, поэтому мужчин у нее случалось много, ласки она терпела и сама виртуозно имитировала

страсть, но оргазма никогда не испытывала. Одно время успешно подвизалась натурщицей у живописцев, но те видели в ней только модель, а не потенциальную жену. Потом Евгения по протекции получила место буфетчицы в Доме художника, где между делом лихо обсчитывала захмелевших членов союза. Она научилась пить, курить и с первого взгляда оценивать личные качества и финансовые возможности клиентов. Народу тут толкалось видимо-невидимо, оставалось присмотреть себе денежного и покладистого супруга. Присмотрела подающего надежды графика Филиппова и увела от жены и ребенка, не испытывая ни вины, ни жалости.

Потратив много усилий на построение семьи и достижение материального достатка, Евгения Леонтьевна считала естественным пользоваться плодами своей стратегии всю оставшуюся жизнь. Мечта жить со вкусом и по хотению, получать любые доступные удовольствия, презирать мнения и нужды окружающих, которые когда-то презирали ее, наконец воплотилась в действительность. По внутренней своей сути буфетчица была патологически ленива. Прежде вертеться ее заставляли обстоятельства, теперь она даже голову ходила мыть в парикмахерскую. Приходящая женщина выполняла домашнюю работу и что-то готовила для мужчин. Хозяйка особых претензий к ней не предъявляла, сама, по буфетной привычке, обходилась сосисками, пирожными и портвейном «777», отчего заметно прибавила дородности, хотя обаяния не растеряла.

В образе ее жизни не было ничего особенного, особенное заключалось в некотором психическом расстройстве Евгении Леонтьевны, достаточно специфическом. Изнасилованная в юности, она навсегда потеряла вкус к сексуальной стороне отношений с мужчинами, но не интерес. Прибрав к рукам Филиппова и став его законной половиной, буфетчица постепенно снизила накал разыгрываемой чувственности до минимального уровня и даже иногда отказывала мужу в близости, ссылаясь на женские недомогания, чем обеспечивала себе не только покой, но и сочувствие. Беременность она приняла как необходимость, которая к тому же ограждала ее от супружеского домогательства. Роды прошли тяжело: ребенок весил пять килограммов, разорвал матери что только можно, даже повредил лобковую кость. После этого Евгения целый год лечилась и потом допускала мужа к пострадавшему лону по большим праздникам или за дорогие подарки. Ребенок, причинивший столько боли, особой нежности у нее не вызывал. Она чаще ругала сына, чем ласкала, называла увальнем, недалеким, неприспособленным и требовала жесткого подчинения своим желаниям. Сергей рос в жесткой моральной зависимости от матери, как позже от отца – в финансовой.

Продолжая любить жену, Филиппов был вынужден снижать гормональный тонус на стороне. Узнавая о мужниных шалостях, Евгения не только не ревновала, но не раз подсовывала ему своих приятельниц, устраивая дело так, чтобы иметь возможность наблюдать за любовниками или хотя бы слышать издаваемые ими звуки. Это ее возбуждало, и тогда она ночью подкатывалась к мужу в надежде испытать нечто похожее. Не получалось. Характер несчастной женщины раз от разу портился все больше. Она устраивала скандалы по самым ничтожным поводам, безжалостно била посуду и ругалась, как боцман. Терпеливый Филиппов в летнее время сбегал от такой жизни в гараж, где, в дополнение к просторной мастерской, которую он содержал вместе с другом, оборудовал себе небольшую домашнюю и поставил там обшарпанный диван. Потрудившись в охотку, он сладко засыпал под музыку старых пружин, чувствуя себя вполне счастливым.

Молодые поселились в большой квартире Филипповых, в комнате Сергея, куда он, изрядно выпив, под гиканье загулявших гостей на руках внес юную неопытную жену. У него была кое-какая практика, и первая брачная ночь прошла бурно. Ирина смущалась до слез, что вызывало еще больший восторг у счастливого обладателя прекрасной женщины, ныне ставшей его законной половиной, причем несомненно лучшей. Когда жене понадобилось пройти в ванную комнату, он взялся ее проводить, но прежде тихо выскользнул в коридор

и закрыл все другие двери. Ира слышала какой-то свистящий шепот и пререкания, но была слишком отвлечена важностью свершившегося, чтобы удивиться или задуматься о чем-то постороннем. Впрочем, если бы ей заранее сказали, что ее свекровь, мягко говоря, психически неустойчива, что у Сергея тяжелый характер и дурная наследственность, вряд ли это что-либо изменило.

Еще вчера видный парень Ирине просто нравился, но ныне она испытывала к нему чувство, которого в себе не подозревала, – томительную страсть рано созревшей девушки. Это была редкая, сильная и болезненная любовь, возникшая, казалось, из ничего. Любовь незнакомая – властная, упорно зовущая, переворачивающая все внутри. С каждым днем страсть все сильнее ее захватывала, пока не подчинила волю и разум. Ирина познала вкус – быть рабой любимого. И ничто не могло ее смутить, переубедить. Так мучительно сладко выполнять его прихоти. Хотелось приносить радость, добро, отдать всю себя до доньшка. Она страдала от счастья, чувствуя прикосновение его тела, млела, когда он обцеловывал ей каждый палец на ногах, каждую сокровенную точку тела. Эмоции переполняли Ирину, захлестывая стыдливость.

Новая любовь привязала ее к мужу тем сильнее, что заместила другую – любовь к папе и маме, которая крошилась и давала трещины, а вскоре и ту, незамутненную взаимную любовь к маме Рае – всего через год после Ириной свадьбы бабушка скончалась. Это был тяжелый удар, и Ира все теснее жалась к Сергею, теперь самому дорогому человеку. Они пришли на поминки в дом Раушан, полный казахской родни, но, увидев там Ларису Марковну, Сергей повернул назад – он не ладил с тещей, и Ира ушла вместе с ним. Муж стал ей ближе.

Она долго горевала. Бабушка часто приходила к ней во сне, обнимала полными горячими руками и говорила: «Айналайн, девочка моя». Ира плакала. Больше этих слов ей никто и никогда не скажет. Сергей жену утешал, как мог. А мог он многое, и она перестала плакать и опять начала смеяться и излучать радость, хотя образ мамы Раи всегда витал рядом.

Свекровь, которая поначалу встретила невестку в штыки, познакомившись поближе, попала под ее обаяние. А Ирина, после натянутых отношений в арбатской квартире, с упоением погрузилась в богемную жизнь семьи Филипповых. В доме был культ еды, в которой она удачно вписалась со своим умением готовить, унаследованным от бабушки. Ире нравились гости и богатый стол, у нее на все была легкая рука – на пироги, на печенье, на знаменитый бешбармак. Врожденное чувство цвета невольно заставляло продумывать, какие для данного блюда нужны ложки и вилки, как и в какие плоскости, тарелки уложить еду, чтобы получилось красиво и радовало глаз, она словно компоновала натюрморты, каждый раз новые. Стол ломился от разнообразных вкусов, но и пили много, и курили непрерывно. Отец и сын – здоровяки, свекровь тоже. Ирина старалась не отставать, особенно полюбила шампанское и сигареты «Аполлон». После неумеренных возлияний они проводили с мужем дивные ночи, наполненные сексуальными фантазиями, на которые в трезвом виде трудно решиться.

Наблюдая, как красиво, обильно и вкусно готовит Ирина, свекровь говорила с восхищением, перекрывавшим зависть:

– Ну, ты Сереженьку и ублажаешь! Правильно. Мужчина должен быть полон сил для выполнения супружеского долга и не бегать на сторону. Мне нравится, как он тебя ласкает, это у него от Владимира Васильевича. Я смотрю, по части обедов ты и свекра взяла под опеку. Вот уж напрасно! Не в коня корм. Скажу тебе по секрету: когда-то он отличался недюжинным темпераментом, а теперь скис. Может, от своих деревяшек? Ты видела, сколько у него досок в гараже? Летом работает допоздна и даже спит там, я не возражаю. Зачем мне дома стружки? В паркет забьются – не выковыряешь. А женщины к нему туда ходят? Ты как думаешь?

Ирина смущалась. Подобные разговоры казались ей странными – о таком можно шептаться с близкими подругами, но не со свекровью же! Она еще не знала о болезненном интересе Евгении Леонтьевны к проблемам пола.

На втором курсе Сергей перешел на заочное отделение и стал работать с отцом, чтобы иметь собственные деньги. Прежде зависимость от родителей не казалось ему обременительной, но теперь появилась Ира, которая чувствовала себя неуютно под назойливым оком свекрови и, хотя никогда не жаловалась, стала более скованной ночью, пыталась сдерживать и его любовный пыл. Поэтому, когда в кооперативе художников освободилась однокомнатная квартира, сын попросил отца дать займы всю сумму, а была она немалой. Союз Сергея и Ирины был основан не только на любви, но и на совместной жизни в искусстве, на общей системе восприятия мира, что сообщало браку глубину и прочность, поэтому Валентин Васильевич денег не пожалел. Счастливые молодые переселились на первый этаж в том же подъезде, но долг нужно было отдавать, и Сергей упорно трудился с утра над заказами, а вечерами продолжал учиться. К окончанию института Филиппов-младший уже зарекомендовал себя как толковый график, хотя и не хватающий с неба звезд, но надежный, а стоимость квартиры была отцу возмещена.

Ирина тоже расквиталась с вузом, представив в качестве дипломной работы удачные иллюстрации к стихам чилийского поэта-коммуниста Пабло Неруды. Книгу, не без протекции Филиппова, выпустило издательство, в котором он работал. Уже тогда отчетливо проявилась сложность, многослойность композиции и философского мышления будущей художницы. Однако по большинству предметов оценки на вкладыше к диплому стояли посредственные.

Сергей категорически воспротивился, чтобы жена после окончания института занималась творчеством.

– Зачем тебе работать? Материальных проблем у нас нет, везде знакомства, связи. Хватит того, что ты готовишь мне краски.

Он не упомянул, что Ирина также исправляла его эскизы, подбрасывала ему идеи и давала советы по композиции, безошибочно чувствуя, как лучше расставить фигуры. Валентин Васильевич не сразу понял, почему у сына вдруг так выросло мастерство, а разобравшись, с искренним восхищением сказал:

– Твоя жена талантливее тебя!

И потом не раз повторял эту фразу, не по умыслу травмируя эмоционально неустойчивую натуру сына, которого плохо знал. Сам известный график обладал крепкими нервами. Постоянно заваленный работой, он давно отстранился от родительских обязанностей, без боя уступив жене формирование характера мальчика. Считал, что достаточно научить его профессии и обеспечивать материально, а в душевных беседах Сергей не нуждается: парень – не девка.

Чем чаще старший Филиппов превозносил творческие способности невестки, тем настойчивее младший требовал, чтобы Ирина, которая уже успела поучаствовать в двух выставках, занималась исключительно домашним хозяйством, раз у нее это получается столь блестяще, ведь принимать приходилось не только друзей и людей приятных, но просто нужных, от которых зависели заказы, а значит, и благосостояние семьи. Радужная хозяйка никого из гостей не оставляла безразличным. По русскому обычаю спиртное лилось рекой. Ирина и сама с удовольствием пила уже не только шампанское, но и водочку, чувствуя приятное освобождение от вьевшейся в кровь материнской опеки. Всецело захваченная любовью, она легко согласилась с решением мужа не заниматься графикой и не делала попыток соревноваться с ним, а хотела только помогать.

Общительная хорошенькая женщина быстро находила заказы, а он подписывал и выполнял договоры. Через пару лет заработанных денег Сергею хватило не только на без-

бедное житье, но и на машину, и на норковую шубу жене. Она купалась если не в роскоши (роскошь при социализме понятие условное), то в большом достатке. Неограниченные возможности удачно наложились на абсолютный вкус Ирины, которым ее наградила природа, как награждает иных абсолютным слухом. Она очень красиво одевалась и никогда не носила дешевых вещей, и чем вещь была дороже, тем больше ей шла, словно она родилась королевой. В ней видна была порода – полукровки берут от родителей самое лучшее.

Подруги с осторожностью хвалили ее вещи, потому что Ира тут же с радостью их отдавала, и отказываться было бесполезно – ей доставляло большее удовольствие дарить, чем дары получать. Друзья приходили в гости с бутылкой вина, а уходили с полными руками – насует кулчков с едой, с презентами. Первый вопрос, который Ирина задавала при встрече с друзьями, – как дела, нужна ли помощь?

Обе Наташи тоже вышли замуж, причем черненькая – за Сережиного приятеля. Теперь они ходили друг к другу в гости по-семейному, а когда Наташа родила, Ира засыпала мать и дитя подарками и просто расцветала, общаясь с маленьким человечком. Она словно говорила с ним на одном языке, хотя он издавал лишь примитивные звуки. Однажды восьмимесячный ребенок сидел в своем высоком стульчике вместе со взрослыми за обеденным столом. Четверо друзей ели и беседовали, не обращая на него внимания, Ирина, как всегда, заливалась своим открытым серебряным смехом. Младенец долго смотрел ей прямо в рот и вдруг, стараясь подражать, впервые засмеялся сам. Потом еще и еще – он раскрывал крошечные губки и закидывал назад головку, как это делала Ирина.

– Ирка, потрясающе! – восторженно воскликнула Наташа. – Этот карапуз в тебя влюблен. Пора заводить собственных детей.

Ирина ничего не ответила. Чувство материнства в ней было сильно развито, однако она уже успела сделать аборт – ребенка не хотел Сергей, причем причины не объяснил. На второй аборт она пошла по собственному побуждению, считая, что ребенок зачат после неумеренного возлияния спиртного, третий ей предстоял на следующей неделе – из-за страха, что ребенок унаследует психическую болезнь. Она не решалась поведать подруге о своем ужасном открытии – мать Сергея ненормальна!

С абортами помогала мама. Пришлось ей рассказать. Лариса ужаснулась:

– Ты должна срочно развестись. У тебя все впереди, встретится настоящий человек, и еще успеешь занять здорового младенца.

– Мама! Что ты говоришь! Я люблю Сережу, я уже больше десяти лет его жена!

– Ах, господи, я тоже была женой твоего папы, и, поверь, мы очень пылко любили друг друга. Но жизнь не стоит на месте, приоритеты меняются, и никто не знает, что произойдет завтра.

К такому шагу дочь была не готова, и подобные разговоры представлялись ей кощунством. Они с Сережей вместе навсегда – в счастье и в горе.

Отдельная квартира не спасла Ирину от назойливого внимания свекрови. Пока мужчины трудились над гравюрами, Евгения Леонтьевна целыми днями сидела у невестки, наблюдая, как та готовит, стирает, гладит. Этот тяжелый взгляд вызывал почти осязаемое напряжение в воздухе, но нельзя же ее выгнать! У Иры начинались приступы астмы, все валилось из рук, она боялась пойти в туалет, помыться в ванной, чувствуя, что свекровь стоит под дверью и прислушивается к каждому шороху, подглядывает в замочную скважину. Ночью дородная дама выходила на улицу с табуреткой, пробиралась в палисадник и подсматривала в щель между занавесками, как молодые занимаются любовью, а потом бесстыдно выпытывала у невестки подробности. Пришлось повесить на окна толстые непроницаемые шторы, которые не раздвигались даже днем.

Иногда в гости к дочке заходила мать, часто они вместе отправлялись на Ленинградский рынок, где с Ирой здоровались все торговки. Одна грузинка постоянно отказывалась брать деньги за зелень.

– Почему? – удивилась Лариса Марковна.

– А, – отмахнулась дочь. – У нее был острый приступ холецистита, я сбегала домой и принесла ей импортное лекарство, у нас в аптечке стояло. К счастью, помогло. Такую ерунду до сих пор забыть не может.

Мать Ирины и свекровь не симпатизировали друг другу, хотя внешне держались в рамках, даже отпускали стандартные комплименты, но если заходила Наташа, бывшая буфетчица кривила губы:

– Зачем ты, знакомая с самыми знаменитыми людьми из высшего общества, водишься с нищей дрянью? Она же у тебя вещи ворует! На ней твои бусы!

– Не смейте так говорить о моей подруге! – не выдерживала Ирина. – Эти бусы я ей подарила! А общество, о котором вы говорите, высшим уже не может быть только потому, что туда вхожи вы сами!

Но чаще Ирина молчала, не вступая в бессмысленные пререкания. Не рассказывала она близкой подруге и другого, что тревожило ее гораздо больше, чем выходки ненормальной свекрови: Ирина поняла, что Сергей тоже болен, возможно, не так тяжело, как мать, но болен несомненно, и болезнь развивается во времени. Физически сильный, он много пил, становился неуправляемым, грубым, склонным к насилию и патологически ревнивым, хотя повода Ирина не давала. Ну, покочетничает, как все женщины. А однажды, на летнем отдыхе в Крыму, Сергей, уходя из гостиничного номера играть в бильярд, привязал Ирину за ногу к кровати. Вернувшись, не мог вспомнить, зачем это сделал, хотя перед тем выпил всего пару бутылок пива. Он просил у жены прощения, клялся, что любит ее больше жизни и пить прекратит. Она простила – как она могла не простить своего дорогого мужа и единственную опору? После этого случая их объятия сделались еще жарче, еще безумнее, словно они хотели налюбоваться впрок.

Однако надолго Сергея не хватило: пить он не бросил и еще шире распахнул объятия друзьям и приятелям. Праздничные застолья превратились в ежедневный ритуал. Сын брал пример с отца, не имея его стойкости и чувства меры. Разгульная жизнь сделала из квартиры проходной двор, прокуренный, пропахший спиртным, часто облеваный. Выставив за дверь последнего забулдыгу, порой очень именитого, Ирина становилась перед мужем на колени:

– Я люблю тебя! Я все для тебя сделаю, только давай прекратим эти сборища!

– Но они мне приятны, – возражал Сергей слегка заплетающимся языком. – А если ты против, значит, не любишь меня.

– Люблю. Обожаю.

– Ну, тогда не сопротивляйся, иди ко мне.

И она шла. И он любил ее, а она любила его, надеясь, что силой своей любви сможет отратить мужа от пьянства.

– Прости меня, я опять проявил слабину, – каялся утром Сергей. – Ведь мне никто не нужен, кроме тебя. Тебя одну люблю до гроба!

Это была слишком страстная любовь, чтобы длиться вечно. Но, видимо, она была больше плотской, чем духовной, потому долго не хотела умирать и крах наступил не сразу. Постепенно Ирина начала сознавать, что делает что-то не так. Каждую ночь Сергей дебоширил, а она стояла на коленях и твердила ему, что любит. Они ругались, не менее бурно мирились, а потом, напившись с горя, оба целый день спали. Ирина жила, как в дурном сне, который хочется, но страшно прервать, не представляя, какова будет действительность. Отношения со свекровью и мужем портились день ото дня. Появилось жуткое ощущение, что она катится в бездну со страшным ускорением, а зацепиться не за что. Разорвать пороч-

ный круг оказалось нелегко – ведь она любила Сергея и была им любима. Это она знала точно.

Молодая творческая энергия, не получая применения, бурлила, побуждала к деятельности, которая могла бы восстановить утраченное душевное равновесие. В Ирине подспудно бродили художнические идеи, остававшиеся нереализованными. Как-то Ирина достала походный этюдник, поставила на него специально обработанный картон, разогрела спичкой крышки старых тюбиков масляных красок. Чувствуя нетерпение в руках, нервно мяла пальцами кисточку и обдумывала композицию, которую уже видела в общих чертах внутренним зрением. Вернулся с работы Сергей, и разразился скандал.

– Я же просил тебя никогда этим не заниматься! Ты достаточно мотаешься по издательствам, ищешь заказы, утверждаешь макеты. Я зарабатываю на сладкую жизнь и могу выполнить любое твоё желание! Разве этого мало? И вообще, живопись – не твоё дело! Вспомни свои институтские этюды – у тебя всё равно ничего не получится!

Они крупно поссорились, потом опять помирились, казалось надолго. Он перестал покупать водку, и оба перешли на давно забытое шампанское. Любовь опять расцвела, и Ирине подумалось, что забрезжил рассвет. Сергей бросал ей в бокалы какие-то таблетки, сначала тайно, потом явно.

– Зачем? – блаженно улыбалась Ирина.

– Для остроты ощущений.

– Но я и так сгораю дотла!

– А я чувствую разницу.

Она не в силах была противиться. Без мужа она погибала, как погибала с ним. Изматывающие ночи, утомительные дни. Сергей – крепкий физически и Ира – хрупкая, с расстроенными нервами и мучительной астмой.

– Я больше не хочу пить, – заявила она однажды со слезами и вдруг добавила более твердо: – Мне нельзя! Понимаешь?

Сергей схватил её за тяжелые волосы, намотал на руку и потащил в постель. Она была унижена: насилие – физическое, тем более моральное – вызывало бурный протест. С тех пор как Ирина ушла из дома, она считала себя свободной, но свобода оказалась эфемерной. Веревки, которыми муж привязывал её в Мисхоре, он отмолил, веревки забылись, а теперь вспомнились. Отчаяние охватило Ирину, которая опять была беременна и на этот раз твердо решила сохранить ребенка.

Когда Сергей, утомившись, заснул, она наскоро оделась и сбежала к Наташе беленькой – у неё муж в командировке, а у черненькой ребенок, его можно напугать. Так рано метро ещё не работало, пришлось брать такси. Подруга, даром что заспанная и в бигуди, всё поняла без слов, налила гостю горячего чаю с мятой, ромашкой и медом, уложила в свою постель – пусть спит хоть весь день.

Ирина прожила у Наташи неделю, успокоилась и немного выговорилась – впервые за столько лет. Но нельзя же вечно прятаться от мужа, а главное, от себя.

– Куда пойдешь? – спросила беленькая, видя, что Ира собирается.

– Если б я знала!

Ей не с кем было посоветоваться. Представила лицо мамы Раи – она бы сказала: «Будь счастлива». Но как? При воспоминании об арбатской квартире, где так основательно обустроился отчим, охватывала тоска. Хотя, если честно, Леня положительно влияет на маму, и мама за неё волнуется, а выбора всё равно нет. И Ира отправилась на Арбат.

Лариса приняла её с распростертыми объятиями:

– Ну, наконец-то ты рассталась с этим ничтожеством!

Момент возвращения был отравлен. Сережа не мог быть ничтожеством уже только потому, что его любила Раушан.

– Мам, успокойся, мы просто поссорились.

– Ты больше к нему не вернешься.

– Не надо решать за меня. У тебя есть что-нибудь выпить? Внутри горит. Неделю у Наташи блюла сухой закон.

Мать молча принесла зеленый «Шартрез» и достала две рюмки. Услышав голоса, из своего кабинета на кухню вышел Леня. Сказал с иронией:

– Празднуется возвращение блудной дочери?

Лариса вспыхнула, но сдержалась, достала третью рюмку и стукнула ею об стол – присоединяйся.

– От ликера у мужчин развивается импотенция, – возразил Леня и ушел к себе.

Ирина выпалила:

– Мам, я алкоголичка!

Час от часу не легче! Лариса Марковна, не дожидаясь дочери, залпом выпила свою порцию. Столько усилий, денег потрачено на институт! Окончила, вышла замуж в состоятельную семью с известной фамилией! И на тебе! Алкоголичка! Если б знать, никогда не отдала ее в этот дом, пропитанный вином и развратом!

– Выброси глупости из головы! Ты много лет жила среди пьющих людей – и только. Ты сломлена психически. Здесь неподалеку есть платный клуб «12 шагов», походишь, восстановишься. И подаем на развод – надо сжечь все мосты!

Ирина выглядела подавленной, думать не хотелось – думать было больно. Две недели она посещала клуб анонимных алкоголиков и поняла, что никакой зависимости от спиртного у нее нет, а есть жесточайшая тоска, от которой может избавить лишь долгожданный ребенок. Как хорошо, что она собралась родить, это изменит всю ее жизнь!

Сергей обрывал телефон, но Лариса стояла насмерть:

– Оставь мою дочь в покое.

– По случаю, она еще и моя жена.

– В прошлом. Готовься к разводу.

– Не смейте распоряжаться нашими судьбами!

– Ты уже сам распорядился. Четырнадцать лет твоего правления достаточно.

– Хочешь, я поеду, набью ему морду, – петушился маленький Леня, готовый ради жены на неравный бой.

– Спасибо, не надо, – успокоила Лариса Марковна супруга.

Журналист и к падчерице вдруг проникся сочувствием: стоил того объект или нет, но девочка любит нешуточно, и в этом они похожи. Между тем Ирину ломало в переносном и буквальном смысле слова, ее трясла лихорадка, поднялась температура. Несколько раз она порывалась вернуться к мужу, но нашла силы обуздать себя и приняла самостоятельное решение – развод! Она сказала матери то, что осознала только теперь:

– Я превратилась в домашнее животное, которое держат в золотой клетке, кормят и выгуливают. Этот ужас я принимала за счастье и потихонечку сходила с ума. Меня лишили творчества, самоуважения, детей. Но главное в человеке – его «я», и самая красивая ложь не заменит истины. Я больше не хочу жить чужой жизнью и врать себе. Я рожу ребенка и все начну заново.

Лариса Марковна заплакала от переполнявших ее чувств – бедная девочка! А Ирина успокоилась. Она уже разговаривала с будущим сыном, сочиняла ему сказки, мечтала, как нарисует ему прекрасные картины, полные золотого света.

Но случилось непоправимое. «Скорая» умчала ее в больницу с сильными болями внизу живота – беременность оказалась внематочной, операция тяжелой, а депрессия нешуточной. Ирина кожей чувствовала руку провидения, но не могла понять логики происходящего. Если Бог дал жизнь, значит, дал и цель, а что у нее? Сначала был талант, который она похоронила,

не сопротивляясь, потом любовь, утопленная в вине, и вот последняя надежда, смысл существования – ребенок, но и здесь вместо радости ее ждало разочарование. Не осталось ничего, полное банкротство! Хотела выброситься из окна, но близкое дыхание пропасти заставило в ужасе отпрянуть. К тому же любимая мамуля, которая дежурила у больничной койки сутками и заснула на стуле от усталости, не перенесла бы ее смерти.

Процедура развода оказалась нудной и отвратительной. Оскорбленный поведением жены, решившей уйти без объяснений, Сергей отказывался отдавать ее личные вещи, а Евгения Леонтьевна подала встречный иск, рассчитывая лишить невестку прав на часть квартиры, поскольку деньги вносил не сын, а Филиппов-старший. То, что долг отцу Сергей вернул, документами не подтверждалось. Ирина в суд идти отказалась, назначив доверенным лицом свою мать, на квартиру не претендовала и только просила вернуть ей хотя бы одежду и шубу – новых вещей купить было не на что. На дворе стоял 1992 год – тяжелое время шоковой терапии, от которой русский народ не оправился до сих пор, а старшее поколение не оправится никогда. Двое упитанных мужчин, младший Гайдар и младший Филиппов, лишили Ирину последнего – нательного белья. Лариса Марковна возмущенно рассказывала дочери, сколько пар колготок и трусиков обсуждалось на очередном заседании суда. Ира плакала. Вещи Сергей так и не отдал, но развод подписал.

На следующий день, когда арбатские жильцы еще лежали в простратии после завершения юридического марафона, судьба Ирины постучалась в дверь. С улыбкой или ухмылкой – кто ж знал заранее?

5

Неожиданного гостя звали Семен Яковлевич Левин. Молодой, подающий надежды филолог преподавал в МГУ и защитился по американскому писателю Джерому Сэлинджеру. Лет пятнадцать назад его направили в Йельский университет для обмена педагогическим опытом, где в него влюбилась гражданка США и одновременно поступило предложение поработать на кафедре славянской филологии. Тогда эмигрантов из России было мало, и они не вызывали подозрений, тем более евреи, поскольку никто не сомневался, что в СССР свирепствует скрытый антисемитизм.

Семен Левин женился и остался в Штатах насовсем, назвавшись на американский манер Сэмом Левайном и презрев то обстоятельство, что на социалистической родине его объявили предателем интересов народа. С начала 90-х, когда отечество освободилось от коммунистических фетишей, он из заклятого врага превратился в обычного профессора-слависта и поспешил посетить родителей, живших в Воронежской области. До обратного рейса из столицы в Нью-Йорк оставались сутки, их нужно было как-то скоротать, и Сэм вспомнил Леонида Григорьевича Ривкина, который в свое время помогал ему публиковать статьи, необходимые для защиты кандидатской диссертации. С тех пор на почве взаимных интересов они изредка общались, а потом переписывались, испытывая друг к другу приязнь, и теперь американский ученый решил осчастливить старого приятеля дружескими объятиями и бутылкой виски, купленной в московской гостинице «Интурист» на валюту.

– Америка – страна невероятных возможностей, – говорил Сэм, помешивая в стакане с чаем вишневое варенье домашнего приготовления.

Лариса Марковна с завистью разглядывала холеное носатое лицо поджарого мужчины лет сорока, его красиво подстриженную шевелюру, модную батистовую рубашку в тонкую полоску, но с белым воротничком и манжетами, а главное – костюм из тонкой шерстяной ткани, которая блестела, как шелковая! В таком костюме и ее Ленечка смотрелся бы полубогом.

Она тоже надела лучшее платье и намалевала ресницы остатками французской туши, купленной в «Березке» еще при советской власти. Неважно, что ей пятьдесят с небольшим хвостиком. Для современной женщины, которая следит за собой, возраст, можно сказать, несущественный, к тому же она не намерена соблазнять эту оглоблю, но выглядеть достойно и привлекательно обязана – никогда не угадаешь заранее, какие люди обернутся нужными. Тем более, человек приехал из самих Штатов! У нее там много знакомых москвичей, которые зацепились разными способами и очень по-разному теперь существуют, иные совсем даже неплохо, поэтому знакомство с приятелем Лени может оказаться не лишним.

Однако, как ни старалась Лариса, ей никак не удавалось привлечь внимание гостя к своей персоне и своим прожектам. Сэм был увлечен собственным рассказом о замечательной стране, где ему привалило счастье жить и работать, одновременно он пытался поймать реакцию очаровательной дочери хозяйки. Между тем Ирина безучастно, словно против воли, сидела за столом, почти ничего не ела и молчала, погруженная в себя, хотя мать постоянно к ней обращалась, надеясь вовлечь в разговор. Лишь однажды молодая женщина с раскосыми глазами неожиданно звонко рассмеялась какой-то незатейливой шутке, обворожительным движением отвела со лба роскошные темные волосы и откинула голову назад. Теперь залетный гость уже не мог оторвать от нее глаз.

Лариса Марковна жалела дочь, которая целыми днями, спасаясь от безделья, торчит у плиты, а по вечерам вместе с матерью и отчимом смотрит телевизор. Разве так должна проводить время тридцатилетняя женщина, здоровая и привлекательная? Ей нужен секс, компания сверстников, занятие наконец! Но в России все перевернулось: старая жизнь кончи-

лась, а новая никак не наступит, вся страна чем-то торгует, и тюремный жаргон вместе с англицизмами вытеснил язык великих предков. Прежние газеты и журналы позакрывались, издательства развалились, Леонид лишился постоянной работы, а тут еще надо содержать взрослую падчерицу. Между ними опять начались размолвки. Родной папаша, конечно, и не подумает пригласить девочку к себе в Австрию хотя бы на время. Наслаждается со своей кралей вальсами Штрауса и не понимает, что в Москве достать пакет сухого молока или банку тушенки – сложнее, чем слетать в Космос.

Чувства самой Ирины после развода и гибели плода, в который Бог уже вдохнул душу, притупились. Она проживала день за днем по инерции, почти не вникая в события вокруг. Все в этом доме ее угнетало – разговоры о продуктах, о жлобстве высоких родственников, раздражал даже диван в гостиной, на котором она теперь сидела, потому что ночью он служил постелью матери и отчиму: Лариса настояла уступить крохотную супружескую спальню дочери. Леню это злило, а для Иры комнатка стала домашней тюрьмой – раз выделено отдельное помещение, приходится проводить в нем время, свободное от кухонных дел. Невысокое окно выходит на стену соседнего дома и пропускает мало света, а когда идет дождь или город накрывает смог, в комнате царит тоскливый полумрак. Даже если найти место для этюдника, то композиции при таком освещении выйдут унылыми, а краски тусклыми. Да и не хотелось ей рисовать, не находила она для этого в себе ни энергии, ни интереса.

– Доченька, очнись! – услышала Ирина голос матери, прервавший ее тягучую однообразную думу. – Сэм любезно предлагает тебе некоторое время пожить у него в Америке.

– В Америке? – Ира выпрямила спину и глубоко вздохнула, потом повторила медленно, как бы обдумывая: – В Америке.

– Ну да! У Сэма и его жены Сарры большая квартира недалеко от Нью-Йорка, прямо на территории знаменитого университета. Развеешься, пообщаешься с нашими друзьями, за это время в России жизнь утрясется, тогда и вернешься!

Ирина застыдилась своих порозовевших щек.

– Я, конечно, с удовольствием, но это, наверное, хлопотно? И как-то неловко, мы незнакомы. Да и согласится ли ваша жена?

Сэм Левайн проследил, чтобы его радость осталась незамеченной. Неужели эта роскошная женщина появится в Нью-Хейвене? Сказал небрежно:

– В Штатах принято помогать соотечественникам, и моя Сарра – добрейший человек. Завтра же, до отлета, занесу в американское посольство вызов, а вы безотлагательно начинайте оформлять визу – это длинная канитель.

– Господи, Сэм, как я вам благодарна! – лепетала Лариса, видя, что дочь заинтересовалась и не возражает.

– Семен, ты настоящий друг, – поддержал жену Ривкин, которого перспектива расставания с падчерицей привлекла сильнее всех. Скорее всего, Ира найдет себе за океаном мужа и уже никогда не вернется.

Многоопытная Лариса сказала гостю:

– Мне доставит большое удовольствие сделать вашей супруге подарок. Не подскажете, чего бы ей больше всего хотелось?

Профессор Йельского университета ответил с ходу:

– Она мечтает иметь старинный самовар. Мне как иностранцу вывезти такой предмет не позволят.

Лариса знала, что закон в отношении антиквариата для всех един, но возможности разные. Ей такая задача по плечу. Она хлопнула в ладоши.

– Считайте, что самовар у вас на камине!

Когда заокеанский искуситель ушел, дочь позвонила отцу в Вену:

– Пап, как ты смотришь, если я поеду на полгода в Штаты к друзьям? Жить в университетском городе, в профессорской семье, на всем готовом. Приветствуешь? Но у меня совсем нет денег. Оплатишь дорогу? Сразу туда и обратно с открытой датой? Ты самый замечательный в мире папка! Я тебя очень люблю!

Саржан тоже искренне обрадовался американской перспективе. Он знал о разводе Ирины, о тяжелой депрессии, как и Ривкин, рассчитывал, что там она выйдет замуж. Даже жуткие уродины, которые в России мыкались бы до конца дней в старых девах, в Америке создают прекрасные семьи, а его дочь – женщина знойная, экзотическая, такой товар не залежится. Там ей будет лучше, чем с себялюбивой мамашей и отчимом. Поэтому Саржан решил идею поддержать, правда, обойдется это недешево, но он любил Ирину, а скупым никогда не был.

Лариса Марковна уцепилась за предложение Левайна мертвой хваткой. Она все время жила в страхе, что дочь не выдержит одиночества и опять начнет пить или вернется к мужу. Уж за океаном-то Сергей девочку не достанет! Там она, без сомнений, найдет свою судьбу. Заграница! Америка! Именно то, что нужно ее Ирочке!

И она развила бурную деятельность. Получив дюжину справок, подготовив и сдав необходимые бумаги, Лариса в сопровождении мужа и дочери отбыла в Тарусу – визу можно ждать и на природе, а лето в городе проводят только бедные люди, которым совсем уж некуда деваться. Из-за политической нестабильности Чехословакия в этом году ей не светит, а Таруса достойное и замечательное место, где среди соседей много знаменитостей, и хотя большинство сейчас тоже в незавидном положении, но все же, но все же...

На даче Ирина, чтобы отвлечься от неприятных мыслей о прошлом и отвязаться от Лени, который неожиданно начал ее опекать, весь день бродила с этюдником по берегу Оки или по лесу. Этюдник был прикрытием. Прежде она делала для себя очень милые акварели – образы героев прочитанных книг, нынче изящные разводы прозрачных красок не сочетались с внутренним напряжением и ощущением личной катастрофы. В поездку за океан она поначалу не очень верила – так это казалось далеко и несбыточно. Потом выстроила цепочку: развод – больница – отчим – смута в России. Кто-то зачем-то выталкивал ее отсюда, и тут неожиданно явился Сэм. Сэм – это ключ. Если она уедет, наступит перелом в судьбе и начнется совсем другая, новая жизнь, очищенная от несчастий и неудач. Господи, а почему нет? Ей дан шанс, хотя еще не совсем ясно, какой. Впрочем, разве она не имеет права снова быть просто счастливой? Она страстно, до пупырышек на коже, хотела счастья, хотела иметь рядом мужчину, который понимал бы ее, а она уважала его и любила.

Ирина завела дневник и стала записывать туда свои мысли, но возбуждение не проходило, а напротив, все сильнее охватывало ее, будоражило и искало разрешения, сон бежал прочь, она места себе не находила. Наконец попросила отчима привезти из Москвы набор масляных красок, хранившихся в антресолях, и начала писать на готовых, небольшого размера загрунтованных холстах щетинными кистями, позволяющими наносить крупные мазки. Она стояла в мезонине у окна, но пейзаж за окном ее не интересовал – просто оттуда падал свет. Она клала мазок за мазком, то густой, приближающий изображение, то отдаляющий тонкий, пробовала разные сочетания цветов и находила те, что более всего отвечали внутреннему состоянию, – синий кобальт, который лучше соединять с цинковыми белилами, чем со свинцовыми, ультрамарин, изумрудная зелень, кадмий и краплек красный, темно-фиолетовая смесь и, конечно, желтая – ближе к оранжевой. Ах, как хорошо!

Душевный разлад, трагический слом семейной жизни, плотское томление – все это долго копилось, давило изнутри, не получая входа. Природный талант, несозвучный графике, дремал, и вдруг из пучины несчастий произошел выброс энергии, такой сильный, что изменил жизнь, направив силы самовыражения в новое русло – в живопись. Краски получили над Ириной странную силу, такую необоримую, что она сама вначале пугалась, но сде-

лать ничего не могла и перестала бояться этой страсти, перестала сопротивляться и отдалась ей, как прежде отдавалась любви. Она впустила все цвета радуги внутрь, переболела ими, притерпевшись к ожогам, растворила в мистической глубине и теперь доставала из себя, когда было нужно. Она работала с утра до заката.

Мать заволновалась: к худшему или к лучшему новое увлечение дочери? Лариса приучена к классической живописи со светотенью, движением воздуха. Тут – ничего похожего: какие-то странные наброски мужских и женских фигур в сомнительных позах. Мужу она запретила тревожить девочку, но сама не удержалась, спросила осторожно:

– Это кто?

– Пока не знаю, – ответила Ира с готовностью, хотя обычно сердилась, когда ее отрывали от работы. – Меня влечет что-то, чему я не могу дать определение. Это что-то – во мне, даже глубже меня. Какая-то тайна, которую я не пытаюсь раскрыть, чтобы она не перестала быть моей. Образы живут во мне, они давят на мозг, на грудь, на глаза. Я пишу и не могу остановиться. Кистью водит не рука, а душа. Никогда не занималась масляными красками всерьез, да и прежняя техника забыта – так давно не брала в руки палитру. Но уже начинает получаться. Я так рада! Нет, ты пойми, мамуля, я просто счастлива!

Лариса Марковна поняла: дочь тяжело переживает развод и пытается рисованием укротить естественные призывы женского организма. Пусть отвлечется. Еще бы – столько пережить, страшно подумать! Бедная девочка!

Расстроенная мать прошла в столовую, открыла резную дверцу старинного цветаевского буфета с вставками из тяжелого зеленоватого стекла, вынула пузатую бутылку французского коньяка, подаренного кем-то из друзей еще в добрые, уже старые времена, и посмотрела на свет – жидкости осталось на два пальца. Обреченно вздохнув, Лариса вылила все до капли в большой фужер и выпила. Коньяк приятно обжег сначала пищевод, потом желудок. Голове тоже стало легче. «Все-таки жизнь имеет свои прелести. Ничего. С Иришей как-нибудь образуются. Если с визой не выйдет, вернемся в Москву, подыщу ей нового мужа. Теперь уже не из писателей или художников, а из бизнесменов».

Однако с тех пор, как живопись захватила Ирину целиком, она грезилась только об Америке. Лишь бы не сорвалось! Там у нее будут все возможности, там она реализует свой потенциал. Она покорит Америку и станет известной на родине!

Весь июнь и июль Ира работала, читала биографии живописцев, записывала в дневник мысли о творчестве и снова работала. Иногда появлялось чувство полета, а порой – боязнь утратить вдохновение. Эти качели настроения преследовали ее всю жизнь, и бороться с ними было бесполезно. Если вещь шла хорошо, Ирина не прерывалась, поэтому мало плавала в реке, продолжала курить с мамой на пару, много и беспорядочно ела – в результате слегка поправилась.

В середине августа зарядили холодные дожди, и семья вернулась в маленькую московскую квартирку, но тут, как по заказу, подоспела долгожданная виза, осталось получить справку для таможни на вывоз красок. Ира сразу забыла, как нервничала и сомневалась в успехе. Иначе и быть не могло, цепочка и ключ – все решено и выверено свыше. Недаром, когда уезжали с дачи, ее слегка знобило и было странное чувство последнего прощания с Тарусой, подмосковной природой, Окой. Даже Сергей, узнав об отъезде Ирины в Америку, позвонил и вернул ее личные вещи.

Начались странные сборы: совершенно непонятно, что брать с собой. На восточном побережье, в Нью-Йорке, от которого до Нью-Хейвена всего сто двадцать километров, намного теплее, чем в Москве, поэтому зимнее пальто с чернобуркой решили продать ради денег, а норковое пальто и дубленку пока сохранить. В чемодан попали пара лучших туфель и платьев, купальник, немного белья, плащ. Ирина целый ящик загрузила красками и еще упаковала тяжелый походный этюдник со складными ножками на винтах. Лариса Марковна

спорить не стала, хотя сомневалась, что живопись станет для дочери призванием и произведет на американцев неотразимое впечатление. Впрочем, она не специалист и уже один раз ошиблась, когда Леонов сказал, что Ира – редкий талант. В любом случае дочь там устроится, там все как-то устраиваются. Однако ее единственная девочка, ее кровинка, уезжала в неизвестность, где может случиться непредвиденное. Лариса отобрала из своих ювелирных украшений самые ценные, но не самые любимые, присовокупила удивительной красоты браслет с изумрудами, который Раушан незадолго до смерти сама надела на руку внучке, и велела дочери спрятать подальше – на крайний случай. Выскребла из потайного места последние пятьсот «зеленых» (Ире на первое время) и заняла у подруг побольше «деревянных» – в аэропорту наверняка придется за что-нибудь доплачивать.

Между тем Ирина настроилась на быструю победу: полгода, от силы год – и о ней заговорят. Теперь или никогда. Но вот вещи упакованы, появилось время для размышлений, и вера в удачу опять сменялась приступами тревоги, беспокойным ощущением, что она совершает ошибку – такая неопытная, за границей никогда не была, языка не знает – куда и зачем она стремится? Не напоминает ли это погоню за синей птицей, живущей за морем? Правильно ли искать счастья на стороне? Хотя Гоген¹⁹ поступил именно так и стал знаменитым.

Ирина опять потеряла сон, нервничала, и приступы астмы не заставили себя долго ждать. Она часто ходила на кладбище к маме Рае и Аташке, убиралась там, разговаривала с ними, и эти беседы действовали на нее благотворно, но что они, безгласные души, могли ей посоветовать? Пригласила друзей и приятелей из бывшей богемной тусовки в недорогое арбатское кафе на прощальный торт с бутылкой сухого вина. Все искренне завидовали ее предстоящему путешествию, говорили, что с таким умом, обаянием, азартом, с ясной целью – всего можно достичь. Но моральной поддержки она не нашла, компанию больше занимали пересуды бывших знакомых, уехавших в США, публикации в бульварной прессе. Ирина почувствовала себя неуютно, поблагодарила за внимание, за теплое напутствие и с тяжелым сердцем пошла домой. Наташа беленькая оказалась в отпуске, а черненькая – в командировке, им она написала по прощальной записке.

Позвонить Сереже долго не решалась, наконец предложила встретиться, но не дома, а в Александровском саду – на глазах у толпы вряд ли он затеет скандал. Опасения оказались напрасны: бывший муж явился абсолютно трезвым и настроенным доброжелательно. Он старался держать себя в руках, хотя развода простить так и не смог: она еще вспомнит, что потеряла. Раушан не позволила бы вытолкать внучку в чужую страну, без денег, без опоры. Кому она там нужна? Вряд ли Ира сможет вписаться в жесткую конкурентную среду США и обосноваться в статусе художника.

Но своих мыслей Сергей не озвучил, видел – Ирина и без того нервничает. Несмотря на обиду, он жалел ее, готовую сгореть на костре творчества. Как профессионал он это хорошо понимал. Ира ведь тоже жалела его, алкоголика с больной печенью, обреченного заниматься ремеслом. Сказал:

– Не волнуйся. В конце концов, прогуляешься и приедешь обратно.

Она покачала головой, и волосы всколыхнулись тяжелой волной.

– Я должна покорить Америку и покорю. Лишь бы не потерять вдохновение. У меня это бывает – не идет картина, хоть убейся. Перестаю ее видеть. Но нельзя расслабляться, мне уже за тридцать – время не ждет, оно так быстро движется и так незаметно исчезает! Мы прожили с тобой целых четырнадцать лет! Где они теперь?

– Да, – сказал Сергей и сделал паузу, чтобы Ира поняла – личной темы он касаться не намерен. – Если вещь не получается, не бейся над ней, приступай к следующей. Нужно иметь

---

¹⁹ Гоген, Поль (1848—1903) – французский живописец, представитель постимпрессионизма, близкий к символизму и стилю модерн.

сразу несколько начатых полотен: когда переключаешься с одного на другое, восприятие освежается. Так делают многие мастера.

– Спасибо за совет. Надо попробовать, чтобы не было простоя. Да, я обязательно так и сделаю. Ты молодец.

Она почувствовала к нему острую нежность.

– Сережа, я не могу так уехать. Кто знает, когда мы увидимся? Я тогда ушла и ничего не сказала...

– ...И подала на развод. Я не поверил! Поэтому не хотел отдавать твои вещи, – вдруг выпалил он и опять замкнулся.

Ирина погладила его по плечу.

– Пойми: я никогда не любила себя, только тебя. Я помогала тебе работать, вдыхала в тебя уверенность, но мой собственный талант, загнанный внутрь, взял верх. Я не от тебя ушла, я ушла от всего, что мешает работать. Вдруг стало страшно – умру и ничего не оставлю после себя. Я рождена для творчества, я не создана для семьи, прости.

– А я не хотел делить тебя с творчеством, мне страшно было думать, что ему ты будешь отдаваться так же, как и мне, целиком, и тогда для меня уже ничего не останется. Поэтому сопротивлялся, не давал тебе рисовать, – угрюмо признался он.

– И этим убивал мою любовь к тебе. А она была такая большая. Мы хорошо понимали друг друга и жили как сиамские близнецы. Помнишь?

– Мне жаль.

У него было такое страдание в глазах, что Ирина не могла этого вынести.

– Ладно, пора. Ты звони. Там мне не с кем будет посоветоваться.

– Обязательно. Ты тоже звони и ничего не бойся.

– Я готова к испытаниям. Но это перелом всей жизни, а новое всегда трудно.

– Понимаю. Желаю тебе мужества и успехов.

Они поцеловались и испуганно отпрянули друг от друга, словно страшась убедиться, что все еще равнодушны.

Провожать Иру в Шереметьево поехали Лариса с Леной. Багаж сдали заранее, осталась ручная кладь, которая по правилам не должна превышать пяти килограммов. Какой-то знаток научил Ларису, что на личные вещи никто не обращает внимания, поэтому все берут в самолет, сколько могут поднять. Большую дорожную сумку Иры набили битком, однако дорогой антикварный самовар с липовой справкой «ширпотреб» никуда не лез.

– Возьмешь под мышку, – сказала мать дочери, – и понесешь вот так, непринужденно.

Лариса пыталась показать, как надо независимо улыбаться, но не смогла. Все трое находились в смятении, натужно шутили, обсуждали, как скоро будут здесь же встречать Иру из Нью-Йорка с цветами и шампанским. Однако в глубине души готовились к бессрочной разлуке, оттого нервничали, хотя друг с другом об этом не говорили.

Ожидание в зале аэропорта тянулось бесконечно. Наконец объявили посадку. Когда подошли к стойке, досужие контролеры, изучившие все уловки русских путешественников, потребовали взвесить ручную кладь. Резюме было кратким:

– Выгружайте до нормы или доплачивайте за лишний вес.

– Сколько? – дрожащим голосом спросила Лариса, соображая – хватит ли денег?

Денег хватило впритык.

– А у нас еще самовар в руках. Легкий. Пропустите, пожалуйста, – попросила она жалобно.

– Это отдельная вещь, а ручная кладь должна быть единственной.

Препирались долго, но ничего не вышло. Расстроенная Лариса чуть не плакала, прижимая к груди категорически отвергнутый подарок Сарре.

У Ирины лицо кривилось, словно зубы болели. Она сказала, сделав над собой усилие:

– По-моему, все это напрасная затея.

– Как тебе не стыдно! – воскликнула покрасневшая от огорчения мать. – Столько сил затрачено, столько денег! Я последнего здоровья лишилась, а ты не рада!

– Рада, рада, – отмахнулась дочь, но выражения лица не изменила.

– Документы, – коротко бросил контролер.

Ирина протянула билет. Паспорта не оказалось. Удивленно оглянулась на мать. Та испугалась:

– Что ты на меня смотришь? У тебя был.

– А я привыкла, что все всегда у тебя.

– Документы! Посадка заканчивается!

Паспорта нигде не было.

– Это знак. Значит, мне не надо ехать в Америку, – сказала Ирина, и лицо у нее разгладилось.

Мать похолодела: все рушилось! Заметалась у стойки – они же никуда не отходили, куда он мог запропасться?! Лариса Марковна почти рыдала, но не сдавалась, продолжала искать. Сама не понимая зачем, бросилась к конвейеру, по которому уже плыла дорожная сумка, и там, на черной резиновой ленте, увидела синюю книжечку, которую обронила в суматохе. Схватила в последний момент, замахала дрожащей рукой:

– Доченька, ты летишь!

Судьба.

Ирина судорожно сжала в кармане куртки носовой платок с горсткой земли, которую перед самым отъездом взяла с могилы мамы Раи и Аташки. Опять озноб и это странное чувство, будто она уезжает навсегда.

Над табло посадок и взлетов светилась надпись: 14 сентября 1992 года. До необъявленной катастрофы оставался год, два месяца и четыре дня.

6

Аэропорт Кеннеди поразил Ирину стеклянной холодностью огромного, растянувшегося в длину пространства. Людей мало, все улыбаются, но как-то механически. Никакой суеты, никто не протискивается через одну открытую створку единственной двери, чтобы упасть прямо в руки ликующих родственников и знакомых.

Смешно и грустно. Уже в самолете она чувствовала себя неуютно от звуков чужой речи, которой не понимала. Как найти Сэма на этом инопланетном корабле из фантастического фильма? Вокруг непонятные надписи, табло, указатели... Ира шла, сгибаясь под тяжестью дорожной сумки, стараясь не терять из поля зрения спину человека, летевшего вместе с ней, – наверняка он знает, где выход. Если ее не встретят, она пропала.

Волнения оказались напрасными: эскалатор вынес пассажиров прямо на площадку, предназначенную только для прибывших данным рейсом. Носатый Сэм и не менее носатая сероглазая женщина, очень ухоженная и модно одетая, ожидали внизу, демонстрируя в улыбке ненатурально белые зубы.

Сэм на правах старого знакомого заключил гостью в объятия, и большие глаза женщины – а это, конечно же, была Сарра – мгновенно сделались стеклянными. Ирина почувствовала неловкость, которую поспешила загладить, сказав с обезоруживающей откровенностью:

– Спасибо вам огромное, что согласились меня принять и встретили, – я уже начала паниковать. К сожалению, старинный самовар, который мама купила для вас, задержали в России. Нет, таможенники не поняли, что это антиквариат, просто оказался лишний вес – у меня в багаже краски, они тяжелые. Я ведь намерена заняться здесь живописью. Но мама обязательно с кем-нибудь передаст.

Ответная улыбка Сарры выглядела кислой:

– Ерунда. Главное, ты благополучно добралась. Думала, в Америке нет красок? Это в России ничего нет, а в Америке есть все. Извини, сразу называю тебя на «ты» – нам будет проще общаться, тем более мы ровесницы.

Сэм отвел глаза – жене было за сорок, она даже старше его на несколько лет. Ира удивилась другому: «Образованная женщина, а не понимает – откуда у меня здесь деньги на краски?»

Сарра по-русски говорила с акцентом, скорее всего намеренно. Русских она сторонилась – дикари, грубияны и беспредельщики. Попав в Новый Свет с родителями в пятилетнем возрасте, с гордостью считала себя американкой, ну, может, еще немножко еврейкой. Сарра отличалась умом и практичностью, но никак не красотой, поэтому союз с Сэмом, молодым, обаятельным и коммуникабельным, быстро вошедшим в университетскую среду, находила удачным. Непонятно, зачем он пригласил эту русскую, которую описывал несчастной скуластой казашкой?

На фото, которое привез муж, девушка из Союза не выглядела даже смазливой, а сейчас перед ней стояла интересная женщина, высокая и стройная, с благородной осанкой. К тому же, оказывается, художница! Но дошла американка увидела кое-что еще – гостя наивна и простодушна, поэтому обманывать и хитрить не станет. Ладно, пусть пока поживет, по крайней мере, будет кому убираться в комнатах. Накануне Сарра приняла выгодное приглашение нью-йоркской юридической фирмы и не только уже уволилась из Йеля, но и сняла в Нью-Йорке на 58-й улице небольшую и не слишком дорогую квартирку, благодаря местоположению считавшуюся престижной – почти в центре, который негласно очерчен с 34-й по 59-ю авеню. В выходные она собиралась приезжать к Сэму: лето в огромном городе –

не большой подарок, а езды по автостраде до утопающего в зелени провинциального Нью-Хейвена всего час с небольшим.

Пока шли к подземной автомобильной стоянке, Ирина сняла замшевую куртку: сентябрь, а солнце греет по-летнему, и лучи его казались ярче, чем в России, отчего окружающие предметы приобретали теплые золотистые оттенки. В машине работал кондиционер, за руль села жена, а муж принялся просвещать гостью:

– Эта часть атлантического побережья называется Новой Англией. Мы уже пересекли границу штата Нью-Йорк и едем по Коннектикуту, знаменитому образовательными учреждениями. Когда-то это место являлось убежищем пуритан, поэтому тут сохранились остатки нравственности и везде много церквей, особенно в нашем городке. Скоро убедишься, какой он милый.

Дорога шла вдоль залива Лонг-Айленд. Далеко, в дымке, на острове с тем же названием, угадывались серые зубцы небоскребов Бруклина и Куинса, по мере продвижения на восток они сменялись виллами и песчаными пляжами. Гладкое широченное шоссе, по которому бесшумно, на огромной скорости неслись автомобили, бесконечные чужестранные надписи и рекламные щиты на обочинах, отсутствие колдобин и железных люков с гремющими крышками, бензоколонки через каждый десяток километров с услужливыми заправщиками, таксофонами, закулочными, чистыми туалетами, где висели рулоны нежнейшей бумаги, – все было непривычно.

На середине пути миновали Стенфорд.

– Промышленная дыра с дешевыми застройками, – прокомментировал Сэм. – Порт, машиностроительные и химические заводы, а главное, много негров. Тоже основан в семнадцатом веке, но наш город студенческий – целых три вуза, несколько культурных и религиозных центров, десяток музеев, пять театров, симфонический оркестр, своя хоккейная команда. Кроме того, Нью-Хейвен потрясающе красивый и знаменитый – в нем родились Ноа Вебстер и Эли Уитни, а актерский факультет Йеля окончила Мэрил Стрип.

Ирина не стала уточнять, кто эти люди. Потом узнает, если это вообще для нее важно.

– А художественный факультет есть? – спросила она почти машинально.

– Разумеется. И архитектурный, и музыкальный, всего десять – по всем областям науки и искусства, как есть собственная Художественная галерея и Центр британского искусства.

Ирина ликовала – это то, что нужно! Здесь можно многое увидеть и узнать, общаться и жить рядом с художниками! Она уже не слушала, о чем говорит Сэм, а он не замолкал:

– Тебе, наверное, будет интересно, что наш элитный университет – он входит в Лигу плюща – основали в тысяча семьсот первом году десять священников, выпускников Гарварда, разочарованных в полученном образовании. Поэтому Йель построен по принципу колледжей-общезитий, как английские Оксфорд и Кембридж, а название получил в честь уэльского купца Элиаху Йеля, который пожертвовал тогдашней Коллегиальной школе доходы от продажи девяти тюков товаров и четырехсот семнадцати книг. У нас одиннадцать тысяч студентов и две с половиной тысячи преподавателей. Самых лучших, – добавил Сэм не без хвастливой нотки в голосе и свернул с автострады в город.

Нью-Хейвен поразил Иру архитектурой – постройки от колониального стиля до суперсовременного, как, например, библиотека, напоминающая подшипники, уложенные друг на друга. Башни, внутренние дворики, арки, ворота из нетесаных вековых камней создавали ощущение близости к истории. Перед каждым факультетом, или колледжем, состоящим из группы разномастных зданий, обязательная тенистая лужайка, на которой – не на скамейках, а прямо на траве – сидят и лежат в непринужденных позах юноши и девушки, в джинсах,

в мини-юбках, кто с книгой, а кто просто так, дремлет, сбросив обувь. «Настоящие сады Эпикура»²⁰, – подумала гостя.

Во время длительного полета над Атлантикой Ирина размышляла, как круто переломилась ее жизнь, но только теперь ощутила это всеми пятью органами чувств. Здесь другая атмосфера, другой дух, дух свободы. То, чего ей не хватало в Москве. Она была счастлива, она была влюблена в эту милую добрую Сарру и замечательного Сэма! Их просторная квартира на третьем этаже дома, примыкавшего к учебному корпусу, имела огромную открытую лоджию – воплощенная мечта! Тут она поставит этюдник и станет писать на свежем воздухе, никому не мешая и не задыхаясь от астмы. Охваченная восторгом, она краем уха слушала хозяйку, объяснявшую, как пользоваться посудомоечной машиной. Завтра же надо приступить к работе! Ах, какие же чудесные ребята эти Левайны!

– Да, да, – ответила Ира на какой-то вопрос хозяйки. – Я очень хорошо готовлю. Жаль, здесь наверняка нет курдючного сала, а то приготовила бы вам куйрык из печени, а еще лучше куырдак. Вот уж точно – пальчики облизали бы!

– В готовке как раз нет необходимости, – заметила Сарра. – Сэм ест в кампусе, вместе со своими студентами, у них такой уклад – совместная жизнь на всех этапах, а мастер даже спит в студенческом общежитии. Я же вообще мало ем – у меня особая диета, чтобы не поправляться. К тому же месяц, как я работаю в Нью-Йорке, там и живу, а сюда буду навещаться только по выходным и уж, конечно, не для того, чтобы набить желудок, а чтобы любить мужа.

Последняя фраза прозвучала резко и несколько грубовато, но Сарра не сожалела о том, что так вышло. На этот счет у нее была четкая философская позиция.

Внешность, несомненно, играет определенную роль в жизни человека. Есть люди яркие, есть заурядные, притягательные и малосимпатичные, порой отталкивающие, хотя любые черты, даже маска смерти, обладают собственным магнетизмом. Но уж точно нельзя сказать, что красивые более счастливы, чем остальные. Как правило, наоборот. Ирина была красива. Сарра изо всех сил старалась красивой выглядеть. Благодаря уму, уверенным манерам и удачному макияжу ей удавалось производить хорошее впечатление, даже несмотря на горбатый нос. К собеседнику она становилась анфас и выбирала некрасивых подруг. От гостя из России надо избавиться, как только подвернется случай, а пока казашка должна понять, что жена – на страже. Сэм не бабник, но перед такой бурлящей энергией и сексуальностью трудно устоять.

Ирину слова хозяйки смутили ужасно: значит, ей придется жить вдвоем с Сэмом? Двусмысленность ставила ее в неловкое положение, но отказаться от гостеприимства Левайнов, когда у нее в кармане 500 долларов, просто невозможно. Сначала следует оглядеться, освоиться, начать писать и продавать картины, тогда можно снять себе жилье. А пока придется быть очень осмотрительной в отношениях с чужим мужем.

Обедали в ресторане, и еда Ире активно не понравилась – жирная и сильно пережаренная, не в меру сдобренная специями и майонезом. Потом немного гуляли по парку, зашли в церковь Христа на местном Бродвее, где Левайны – то ли иудаисты, то ли протестанты, а скорее, вообще атеисты – молча стояли в сторонке, пока Ирина размашисто крестилась на католическое распятие православным перстом. Ей удалось на несколько минут забежать в одно из двух зданий Художественной галереи, поражающей воображение размахом и богатством коллекции: древность, средние века, Ренессанс, американская и современная живопись и еще разное индейское, африканское, восточное искусство. Да, не один день предстоит ей провести здесь для расширения своего, как выясняется, куцевого кругозора! Профессио-

---

²⁰ Эпикур (341—270 гг. до н.э.) – древнегреческий философ. Стал символом удовлетворения чувственных удовольствий и изнеженной жизни.

нальный интерес притягивал Ирину к расположенному через дорогу Музею британского искусства, где хранится самая значительная вне Англии коллекция иллюстрированных книг, но затащить туда своих благодетелей она уже не сумела.

– У Йеля двести двадцать пять зданий и двести сорок гектаров земли, – устало сказал Сэм, – я постепенно все тебе покажу, а сейчас – пора на боковую. Сколько часов ты не спала?

– Я дремала в самолете, но, вообще, когда работаю, могу не отдыхать сутками.

– А я не могу, – твердо сказала Сарра. – Но, главное, в этом нет смысла, а только вред здоровью.

Возле дома друзья увидели сборище газетчиков и праздных любопытных. Безостановочно щелкали фотоаппараты, жужжали кинокамеры. Сарра переговорила с одним из студентов и сообщила своим спутникам:

– Именно сегодня кто-то заметил, что дерево под нашими окнами похоже на распятие. Или оно вдруг стало таким? Странно. Старое дерево, я вижу его, сколько здесь живу, и ничего подобного прежде не наблюдала. Но ведь правда похоже!

Ирина протиснулась ближе к предмету всеобщего внимания, и холодок пробежал по спине: ветви переплелись таким образом, что действительно отчетливо напоминали распятие. Вот упавшая на грудь голова в терновом венце, раскинутые в стороны худые руки с натянутыми жилами, яма живота, перекрещенные ноги. Но дело не в том! Два года назад точно такое изображение она сделала в своем альбоме! Один к одному! И в Америку тоже приехала в возрасте Христа. Не иначе как эти совпадения – добрый знак свыше. Дома художница показала старый эскиз Левайнам – те оторопели. Даже Сарра не нашла возражений.

Спать разошлись в задумчивости. Что делали в своей комнате супруги, можно догадаться, а Ира, душа и тело которой были охвачены возбуждением, встала на колени перед раскрытым окном – откуда тянуло ночной свежестью – и стала молиться Творцу Вселенной, чтобы удача и дальше сопутствовала ей, а вдохновение никогда не покидало.

К утру толпа корреспондентов и зевак под окнами рассеялась, пустившись по следам новых сенсаций, но все местные газеты пестрели заголовками «Йель посетил Христос!» В подтверждение этого события под деревом остались потухшие свечи и валялись деньги. Сарра уехала в Нью-Йорк, Сэм отправился в колледж, а Ирина, наскоро выпив уже остывший кофе с каким-то засохшим кренделем, бросила в мойке грязную посуду и установила на лоджии этюдник, чтобы поскорее приступить к своей первой американской картине, которая обозначит мистическую дверь в новую жизнь.

Энергия расpirала художницу, но она решила начать с простого, хотя в любой рисунок всегда вкладывала глубокий философский смысл. Пробой пера стал нехитрый натюрморт – одинокий условный цветок в условной вазе. Из сине-лиловых листьев и стеблей насыщенного густого тона, словно радость из заключения, вырывался яркий, оранжево-желтый распустившийся цветок. В его сердцевине и в центре трех бутонов – золотая звездочка пестика как символ надежды. И только маленький, слетевший на стол лепесток содержал крупицу сомнения. В дневнике Ирина записала: «Изобразительное искусство ближе всего к человеку и имеет физиологический приоритет перед словом. Оно очень эмоционально и быстро доходит до сознания, требуется всего лишь несколько секунд, чтобы человек получил импульс. Но самое главное в искусстве – недоговоренность».

Вернувшийся после занятий Сэм повез гостью в Художественный салон, который поразил ее обилием товаров и дороговизной. Она не знала не только названий, но и назначения половины вещей, а тюбик красок стоил от пяти до шестидесяти долларов. Хорошо, что на первое время хватит привезенных из Москвы. Зато обязательные срочные покупки – подрамники, гвозди, холсты, разбавитель и лак – оказались доступны по цене и прекрасного качества. Ира прикинула, что затраты на одну картину составят в среднем 15 долларов, и

сразу израсходовала пятьдесят, а куда деваться? Хорошо, что Сэм не позволил ей платить за продукты, нагрузил полную тележку и рассчитался сам.

С первого дня в Нью-Хейвене Ира спала крепким здоровым сном, о котором давно забыла. Настроение тоже было отличным. Она вставала в 7 часов, надевала купальник и наушники от плеера, в которых звучали ее любимые Моцарт и Бетховен, – у Левайнов оказалась отличная классическая фонотека, – и всю неделю дописывала натюрморт, а также, следуя совету Сергея, начала еще две картины, с лошадьми. Одна получилась неплохо, хотя кое-что надо переписать или хотя бы подправить, а другая сразу не пошла. Ира отступила на некоторое расстояние от еще не полностью прописанного скакуна, потом посмотрела на картину в зеркало. Лошадь получилась похожей на лисицу. Ни упругости мышц, ни ритма движения. «Да, Ириша, до Делакура тебе далеко!» Она без колебаний разорвала испорченное полотно, хотя жаль было красок, но не расстроилась и, не теряя темпа, устремилась дальше, к новым идеям²¹.

Солнце светило вовсю, и кожа женщины быстро покрылась красивым океанским загаром, отличным от того, что образуется под Москвой и даже в Крыму. Делая лишь небольшие перерывы, чтобы поесть фруктов и выкурить сигарету, Ира работала до девятнадцати часов, когда начинало темнеть и краски меняли цвета. Вечером ходила в местные художественные музеи, пыталась вникнуть в технику разных художественных школ, основное время уделяя постимпрессионистам, посещала библиотеку кафедры филологии с роскошным фондом изданий на русском языке, библиотеку Художественного музея. Плакала, когда смотрела репродукции работ Татлина²²: такому потрясающему таланту советская власть не дала раскрыться – в России страшное по своей бездуховности общество! Дома Ирина читала до полуночи, писала дневник, письма или звонила родителям. К телевизору не подходила – все равно ни слова не понятно. Она уже в полной мере ощутила свою языковую ущербность, хотя на занятия жаль времени и нет денег.

За ужином Сэм переводил что-нибудь из новостной программы. В свободное время он часто сидел в лоджии с газетой, а иногда просто так, наблюдая, как Ира работает. Ее раздражали глаза за спиной, они мешали сосредоточиться, тепло мужского тела возбуждало посторонние эмоции, но она терпела – нельзя же прогнать хозяина!

По укоренившейся привычке все разбрасывать Ира превратила квартиру в филиал мастерской. Сэм то садился на тряпку со следами краски, то наступал на старый тюбик, задевал непросохший эскиз или опрокидывал пузырек с лаком. Домашняя одежда хозяина была перепачкана, что его нисколько не смущало. Недавно он сделал комплимент ее загару и принес откуда-то складывающийся наподобие стремянки мольберт, уже бывший в употреблении, но намного удобнее этюдника, поскольку не ограничивает размер полотна. Кроме того, по ходатайству профессора Левайна Ирина могла теперь посещать бесплатные курсы английского в еврейской общине.

– О, Сэм, – Ирина бросилась ему на шею, – я так благодарна тебе и Сарре за все!

– По-моему, Сарра тут ни при чем.

Он с удовольствием задержал в руках легкое тело и погладил застежку бюстгальтера. Ирина ловко увернулась от дальнейших прикосновений, и тогда хозяин добавил:

– Ее гостеприимство имеет узкие рамки. К тому же прежде она считалась с моими желаниями, но большие заработки быстро подпортили ей характер. Вечно выговаривает из-за любой ерунды и сравнивает наши доходы. Это неприятно.

Ира пропустила слова мимо ушей – личные отношения супругов ее не касаются. Обычно ко времени прихода Сэма из колледжа она надевала поверх купальника рабочий

²¹ Потом она сделает прекрасную картину с лошадьми, но вторая так и останется невоплощенной.

²² Татлин В.Е. (1885—1935) – русский живописец и график, близок к кубизму, футуризму.

халат, а вчера не успела и получилось неловко: он неслышно подошел сзади и обнял за талию, она дернулась и невольно мазнула его кистью.

– Ты меня испугал! Ой, пиджак испортила! Просила же тебя появляться на лоджии в старье! Это не синтетика? Тогда попробуем растворителем. И что мы теперь скажем Сарре?

Неосторожное «мы» Сэма обнадежило, и он поцеловал женщину в высокую шею. Она превратила его порыв в шутку, погрозила пальцем и сказала коротко:

– Забыли.

Сэм улыбнулся. Потом они спокойно поужинали и разошлись по своим спальням. В пятницу он уехал в Нью-Йорк, а Ира легла в восемь, чтобы как следует выспаться. Раскинувшись на красивом постельном белье, в просторной комнате, она думала о том, как сказочно ей повезло: условия для работы просто фантастические, а отношение Левайнов, которых про себя и в письмах к родным она по-своему называла ребятами, удивительно сердечное, почти родственное. Климат в Нью-Хейвене ровный, теплый, астмы как не бывало.

Со следующего дня художница начала вставать на полчаса раньше и бегать по парку. Стодились старые кроссовки Сарры и все тот же купальник – он темный, в нем не так заметна худоба. К счастью, нравы тут, несмотря на пуританскую историю и высокий статус Йеля, далеки от снобизма. Клеились какие-то парни и мужики, она молча махала им ручкой, поскольку все равно не понимала, о чем они говорят. Убедила себя, что незнание языка ей только на пользу – ничто не отвлекает от дела. Если звонил местный телефон, коротко отвечала «по» и клала трубку. Уже написаны четыре картины, когда накопится штук двадцать, можно будет показывать. В середине октября должен приехать искусствовед, который специализируется по русскому искусству, Сэм обещал их свести. Надо спешить. Кто-то мудрый сказал: удержишь в руках сегодняшний день, меньше будешь зависеть от завтрашнего.

В один из выходных поехали к Сарре в Нью-Йорк. Квартира Ире понравилась, но нет балкона, а значит, негде работать, правда, ее никто и не приглашает, просто она привыкла все оценивать с точки зрения собственных задач. Посетили выставку Матисса – это оказалось впечатляюще! Так много его картин сразу Ирина никогда не видела, и тут же в голове закрутились мысли, связанные с собственным творчеством. «Матисс тоже работал периодами и профессионально нашел себя в 36 лет; значит, у меня еще все впереди, но надо активно использовать черную краску, от которой так усердно отучали в институте. Это не «грязь», а тоже цвет. И отношение американцев к живописи оказалось неожиданным: очередь, как в Москве на Глазунова²³, спрашивали лишний билетик. Вопреки российской пропаганде, культура в Штатах не умерла в объятиях коммерции, и художники едут сюда не зря». Потом зашли в Музей Гугенхайма на выставку русского авангарда, которая после пиршества красок Матисса показалась Ире скучной и безликой. «Все-таки стадность – дикая вещь, и в нашем искусстве это стало традицией», – отметила она с печалью.

Несколько больших салонов одежды тоже оставили художницу равнодушной – понравились дорогие вещи, на них все равно нет денег. Сарра хотела показать маленькие магазинчики и места распродаж, но Ирина отказалась: дешевого она никогда не носила и решила ничего себе не покупать, пока не заработает приличных денег живописью. Живопись – это единственное, что ее сейчас интересует, даже красотами огромного и необычного города не прельстилась, зная, что теряет время, которое могла бы стоять за мольбертом. К тому же пошел дождь, все-таки близится осень. Хорошо, что лоджия глубокая, можно продолжать работу в любую погоду, только придется раскошелиться на теплые тапки и брюки. Вообще жаль, что взяла мало обуви. Надо написать маме, пусть пришлет сапоги и продаст норку – деньги тают быстро, а скоро нужно покупать краски. Правда, звонил папа и обещал помочь с финансами, но пока ничего нет, и это очень тревожно. Спасибо ребятам, что так добры,

---

²³ Глазунов И.С. (род. 1930) – русский живописец, график, сценограф.

практически содержат постороннего человека и еще платят за междугородние разговоры по телефону.

Вторую половину сентября и почти весь октябрь Ирина жила отшельницей. Общалась только с Сэмом и Саррой, с посетителями курсов по языку, где успехами не блистала – она всегда плохо усваивала грамматику и по-русски писала с ошибками. Но зато работала, работала в бешеном темпе, закончив за 32 дня 17 картин, которые подписала «Рая». Это пришло неожиданно, само собой, возможно, потому, что бабушка, заменившая ей в детстве мать, навсегда осталась самым близким по духу человеком. Во сне она часто разговаривала с любимой тенью и просыпалась в слезах. Двенадцать лет прошло, а боль утраты не утихла. Так хотелось, чтобы имя мамы Раи произносили тысячи людей на разных языках! Ира верила, что само по себе имя очень много значит, и слово «Рая» придавало ей сил, когда от работы уже тошнило. Художница устала физически и выдохлась нравственно, но продолжала свое дело, сжав зубы. А что она еще могла, раз уж приехала? Зато теперь есть что показывать!

Между тем Сарра, увидев пятна краски на дорогом костюме мужа, подняла скандал.

– Ты настоящий дурак, что пригласил эту нахальную девку, которая не только не убирается в доме, но еще развела грязь и вонь со своими дурацкими картинами. Какая наивность, рассчитывать, что эту мазню кто-то купит. Мы, американцы, слишком практичны, чтобы выбрасывать деньги на неизвестное имя!

– Один наш знаток сказал – у нее неплохая живопись.

– Если она живописец, то я Резерфорд²⁴. Авангард – прибежище шарлатанов, мошенников и бездарей.

– Авангард завоевал весь мир.

– Это свидетельствует только о том, что современное общество страдает душевной болезнью.

Сэм попробовал зайти с другой стороны:

– Ее отчим в свое время очень помог мне с публикациями.

– Я-то тут при чем? И самовара до сих пор никто не привез.

– Ирина звонила матери, та сказала – отправят.

– Это все слова, а вот телефонные счета – реальность, и не маленькая. Мне это надоело. Ты впутался, ты и выпутывайся. Отныне я оплачиваю квартиру в Нью-Йорке, а ты – все расходы по этой. Так будет справедливо.

За этим ультиматумом Сэм почувствовал опасность. Чтобы не обострять ситуацию, согласился:

– Ты права, надо что-то делать. Ирина витает в облаках, к языку совершенно неспособна, даже в магазине объяснить не может, вечно пристает с переводами и вообще проявляет ко мне повышенный интерес.

---

²⁴ Резерфорд Э. (1871—1937) – английский физик, лауреат Нобелевской премии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.